

Светлана
АЛЕШИНА

Утро вечера
ДРЯННЕЕ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина

Утро вечера дрянее (сборник)

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Утро вечера дрянее (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2001 — (Папарацци)

Выйдя из клуба «Матрица», главный редактор популярной газеты «Свидетель» Ольга Бойкова неожиданно была схвачена двумя бандитами, которые заклеили ей пластырем рот, затолкали в машину и привезли в неизвестный офис к некоему Рудик. Когда тот поднял глаза, в них читалось недоумение: оказывается, верные стражи доставили ему не ту Ольгу, которую он ждал... С кем спутали известную журналистку? Может быть, в городе живет ее двойник? И кто такой этот всемогущий Рудик, так свободно распоряжающийся судьбами людей?..

© Алешина С., 2001

© Научная книга, 2001

Содержание

Утро вечера дряннее	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Светлана Алешина

Утро вечера дряннее (сборник)

Утро вечера дряннее

Глава 1

Знаете, бывают такие дивные дни. Иначе их и не назовешь. Когда внешне все вроде бы остается на своих местах – инфляция, кризис, войны, вредные соседи, гора писем от читателей, причем не самых умных и корректных, зима, унылые лица прохожих, надвигающаяся эпидемия заморского гриппа... словом, наличествует весь маразм нашей жизни, но что-то внутри нас начинает вдруг смеяться и озорничать. Вот такой день посетил меня. Ни тебе угрызений совести, ни грустных мыслей, ни мучительных воспоминаний. Но ведь человек как устроен? Он сразу же кидается в раздумья: за что ему такое счастье, такая честь, такая радость, заслужил ли он все это, и если да, то чем?

Обычно ответа на этот вопрос не находишь. Памятуя о подобных светлых днях, не раз посещавших меня, я не стала докапываться до истины: что, зачем, почему – и вприпрыжку сбежала по ступеням лестницы своего подъезда. Радость была такой исполинской, что мерно покачивающийся и жалобно дребезжащий лифт ждать не было сил. Поэтому буквально вылетев во двор и сев в свою «ладушку», я еле дождалась, пока прогреется двигатель и, наконец, можно будет тронуться с места. Заранее зная, что такая невесть откуда налетающая радость пагубно влияет на решимость соблюдать правила дорожного движения, я все же подождала, пока прогреется мотор, прочитала себе лекцию, пытаюсь усмирить дерзновенный порыв своего сердца.

Попеременно прижимая ладонь ко лбу, щеке и виску, я пробовала определить градус моего внутреннего кипения. И все-таки тот самый вопрос, который никогда в подобных случаях не получал ответа, упрямо толкался в мозг.

Расстояние до работы мне показалось просто смешным, и в этот момент я была готова даже не согласиться работать так близко от дома, чувство, охватившее меня, требовало вольного разбега, свободного пространства и бездны времени. Кто-то вознамерится сравнить его с действием наркотика? Фи! Наркотиками я никогда не баловалась, да и другим не советую, но по рассказам очевидцев, вернее, балующихся, знаю, что действие ни одной марихуаны, героина или кокаина не сравнится с этим счастливым завихрением, которое вираж за виражом наполняет душу все более громким шелестом крыл. Чувствуешь себя быстро расширяющейся Вселенной, и никак не меньше! Единственное, что может, наверное, выдержать сравнение с этим праздничным ощущением, это езда на сумасшедшей скорости по какому-нибудь спидвею. Вот так, врубаешь какой-нибудь жутко темпераментный музон, включаешь сто двадцать и – в пропасть! Да нет, не в такую, над которой только орлы да облака, а в ту, что гудит, и радостно стонет, и рыкает кровью, берущей приступом анемичное тело и душу.

Я влетела в редакцию ураганом. Опыренная радостью бытия, я тем не менее заметила, что Маринки на месте нет. Это неприятно подействовало на меня. Что же, спросит внутреннее чувство, то ощущение, о котором я только что толковала, не способно на великодушие? Даже на самое мизерное? Закрывающееся, например, в том, чтобы не заметить отсутствия в приемной своей секретарши? И то обстоятельство, что Маринка, кроме всего прочего, была моей подругой, тем более должно было склонить мою упоенную весенним восторгом душу к снисходительной рассеянности.

Ан нет! И вот почему. Потому что, признаюсь, в меня закралось ревнивое подозрение, не сочла ли эта, то бишь, моя радость, своим долгом посетить и Маринку? Только, несмотря на приятное головокружение, я не опоздала на службу, а Марина, откровенно говоря, плюнула на свои обязанности. И что особенно не давало мне покоя, так это предположение, что Маринкино опоздание не просто было вызвано этой самой радостью, а ее, радости, превосходной степенью.

Если я не опоздала, размышляла я, значит, не настолько опьянилась, чтобы забыть о своих прямых обязанностях, а вот Маринка...

И тут дверь распахнулась и в секретарскую влетела моя взмыленная секретарша.

– О! – воскликнула она. – Ты уже здесь? Не смотри, не надо, – весело затараторила она в ответ на педантично-строгое движение, которым я приподняла рукав пиджака, дабы взглянуть на часы. – Задержалась, признаю...

– Ты сначала отдышись, – поморщилась я.

– Ой, ты даже не поверишь! – вытаращила она глаза.

– Ну отчего же, – усмехнулась я, – ты у нас личность незаурядная.

Я взяла свой модный портфель, который в замешательстве плюхнула на стоящее перед Маринкиным столом кресло, и направилась было в кабинет.

– Ты че, Оль, обиделась? – оторопела от моего официального вида Маринка.

– Отчего же? – повторила я и скептически пожала плечами.

– Ты не представляешь, с кем я ехала до работы! – снова оживилась Маринка.

– «Я ехала домой...» – томно пропела я.

– С Александром Клуниным, – восторженно воскликнула Маринка, – гитаристом из «Вывиха»!

– Из «Вывиха»? – не разделяя Маринкиного воодушевления, переспросила я.

– Елки-мotalки! – крикнула Маринка, глаза которой лихорадочно горели, а губы дрожали. – Ты же интервью с их продюсером и композитором сегодня брать поедешь!

– А-а, – процедила я, – и что же?

– Ну как что?! – восклицала неугомонная Маринка. – Такое дело! Я с ним знакомство завела. Во-о парень, – выставила она вперед и вверх большой палец правой руки.

– Где же ты его подцепила? – немного смягчилась я, безусловно, движимая любопытством.

– Где-где! – добродушно передразнила меня Маринка. – Не у всех, между прочим, Олечка, есть личный автотранспорт. – Маринка скривила смазливую физиономию в ехидной ухмылке. – Стояла, голосовала, опаздывала... А он тут, миленький, на своем «Фольксвагене». Слушай, Оль, – по-приятельски обратилась она ко мне, – я таких машин не видела. Представляешь, желтая, но не так чтоб просто...

Маринка подыскивала нужное слово.

– Ну, желтая, но не так... – с оттенком пренебрежения усмехнулась я.

– Во, – радостно блеснули большие Маринкины глаза, – золотистая. Ну, супер! – причмокнула она. – А едет как! Словно летит. Да ты знаешь, – почему-то сникла Маринка, – тебя ничем не удивишь. Ты на этих иномарках туда-сюда...

– Ладно, хватит трепаться. Значит, опоздала ты не потому, что с этим, как его... – подозрительно посмотрела я на Маринку.

– Клуниным. Песню их новую слышала? «Если б ты сказала «да», не пришла бы к нам беда... Ты же мне сказала «нет», у тебя один куплет...»

– Вот это точно, – засмеялась я, – куплет у них всегда один и тот же.

– Он мне сказал, между прочим, что с фанерой они завязали! – с запальчивой гордостью воскликнула Маринка.

– Тебе лучше знать, – равнодушно проронила я, – ты у нас знатная меломанка.

– Зря смеешься, – надулась Маринка, – не забудь, тебе сегодня с их шефом общаться. А он товарищ непростой, – крикнула она, когда я уже вошла в кабинет.

Маринка еще долго напевала что-то за дверью. Что-то умопомрачительно-скучное и сентиментальное.

«Так, так, так, – села я в свое рабочее кресло и закурила. – Что же, Ольга Юрьевна, с вашей профессиональной и гражданской памятью стало? – с меланхолической издевкой спросила я себя. – Действительно, ведь вам сегодня с этим, как его... Ежовым Андреем о проблемах искусства попсового придется говорить... Так...» – я резко встала, подошла к висевшему на стене овальному зеркалу, рама которого представляла собой бронзовый фрагмент райских зарослей, и принялась изучать свой благородный фейс. Зверски надоевшее зеркало было принесено мною из квартиры. Потешив самолюбие, я окинула критическим взглядом свою фигуру и осталась довольна.

Наряд мой тоже был, что называется, к месту. Под местом я понимала в данном случае артистические круги, наш тарасовский попсовый бомонд. Кожаные брючки и темно-синий бархатный пиджак. Под ним – черная водолазка. На груди – серебряное чеканное кольцо из плоских сине-белых трапеций, напоминающее греческий орнамент.

Я несколько раз провела рукой по своим только что выкрашенным волосам – под конец зимы мне почему-то захотелось стать блондинкой. Но не для того, чтобы привлекать мужское внимание, а из чистого экспериментаторства. К тому же у меня голубые глаза.

– Я тебе покрепче сварила, – внесла Маринка в кабинет поднос, на котором поблескивали новые фарфоровые чашки. – Нет, Оль, что ни говори, а белые волосы тебе к лицу.

– Подольститься хочешь? – зловредно хихикнула я.

– Да уж прям! – сделала недовольно-оскорбленный вид Маринка. – Констатирую факт. А эта маска для волос Гарнье – просто кайф. Вчера намазала, смыла, расчесала и вот видишь...

Она закружилась по комнате, держа за кончики свои густые русые пряди, которые распадались шикарным пушистым веером.

– «Кра-со-та, – восторженно пела Маринка, – это когда мечта дарит нам с тобою яркие цвета...» Узнаешь?

– Что?

– «Весна стучится в окна твои, – речитативом произносила Маринка, – весна надежды, весна любви...»

– Вот видишь, как маска Гарнье благотворно подействовала на тебя – едва вышла из дома и сразу – Клуний на «Фольксвагене»! – иронично сказала я.

– Ага, – Маринка вальсировала по кабинету, будя модуляциями своего звонкого голоса сонную редакцию:

Сердце соловьем поет,
Ты – моя лесная пташка,
Сотканная из весенних нот,
Милая курносая мордашка...

– Бред какой-то, – поморщилась я, – твой Клуний, судя по этим напевам, импотент, – засмеялась я.

– Это еще почему? – опешила наивная Маринка. – Так ты что, думаешь, я на его девственность покушаюсь? – покатила она со смеху. – Главное, чтоб человек был хороший!

– Мне кажется, – задумчиво сказала я, – что все эти ребятки вообще ни на что не способны. Только чушь молоть. «Пташка-деревяшка, милая букашка, промокашка...» – привела я первый пришедший мне в голову рифмованный ряд.

– Много ты понимаешь, – скуksилась Маринка, – просто конъюнктура такая, – сделала она серьезное выражение лица, – вчера в «Ротозее» читала?

– Это ты у нас по бульварной прессе с ума сходишь, – насмешливо посмотрела я на свою секретаршу.

– Ежов их судится с Поплавским. Поплавский ему задолжал, решил джипом расплатиться, а джип-то нерастаможенным оказался, – выпалила Маринка, проигнорировав мой издевательский тон; видно, новость была до того важной и не терпящей отлагательства, что Маринкино самолюбие стушеввалось, пропуская вперед это звонкое сообщение.

– Как это? – не поняла я.

– Че как? – раздражилась Маринка.

Моя непонятливость ее просто бесила. Проистекала же она из моего дремучего равнодушия ко всему, что творилось в мире попсы. Конечно, в силу своей профессии я должна была этим интересоваться, но переделывать себя было не под силу.

– Как он мог приобрести нерастаможенную машину?

– Ой, не знаю, че да как, – нетерпеливо махнула рукой Маринка, – Поплавский ему всучил этот джип, и все.

– Понятно-о, – иронично взглянула я на Маринку, – кофе-то остыл!

За кофепитием Маринка ввела меня в курс всех перипетий своего разговора с Клуниным. Я было засомневалась, станет ли он откровенничать с первой попавшейся на улице девушкой. Маринка сначала надулась, замкнулась и все такое, но потом принялась снисходительно и нудно объяснять, что есть такая особенность у людей: им легче излить душу перед незнакомым человеком, чем плакаться в жилетку своим родным, друзьям и знакомым.

– Ну, тогда тебе не позавидуешь, – усмехнулась я, – ты для Клунина в таком случае была одноразовой промокашкой...

От возмущения подобным цинизмом Маринка чуть не вскочила.

– Ну, знаешь! – Ее глаза и щеки запылали. – Выражения выбирай!

– Так я ж шучу, а ты сразу – в краску! – дружелюбно улыбнулась я. – Ну сама подумай, согласно твоей теории...

– Не моей, а общей! – обиженно воскликнула Маринка.

– Какой такой общей? Ладно, общей, – неохотно согласилась я, лишь бы предупредить новый взрыв Маринкиного негодования – я видела, как дрогнула ее верхняя губа и дернулись брови, – он с тобой пооткровенничал, потому что был уверен, что никогда тебя больше не увидит.

– А вот – не хочешь! – Маринка выдернула из кармана пиджака визитку.

Синий прямоугольничек с серебристым вензелем в левом верхнем углу. Я взяла ее в руки.

– Смотри-ка, офис, телефоны... – вернула я визитку раскрасневшейся от негодования и гордости Маринке.

– А ты как думала? – въедливо сказала она. – Все как у порядочных людей!

Я еле сдержалась, чтобы не рассмеяться такой непроходимой наивности.

– А вот и досье на Ежова, – деловитым жестом я взяла со стола несколько листов бумаги, – родился в Тарасове, в шестьдесят третьем, значит, ему тридцать семь, ага, окончил иняз, английская словесность, так... работал... выступал в группах «Ухогорлонос», «Скворечня», «Шестерня любви», «Декаданс». Слушай, – прищурилась я, – а ведь «Декаданс» была хорошая группа! Помнишь?

Что такое полуночный стих, —
Золотой, обжигающий штрих,
Раскаленный рубец в пол-лица,

Гребень света в зеницах слепца...

Пробуждаемся в мокрой траве,
На границе сомкнутых миров,
На границе сомкнутых ресниц, меж бровей —
Полумесяц тоски — за ночь вырытый ров...

– Мы больше за «Пауками» загонялись, – непонимающе посмотрела на меня Маринка.

– Так, – снова опустила я глаза, – с девяносто третьего года владелец продюсерской фирмы «Золотая струна». Раскрутил группы «Вывих», «Самолет не приземлится» и «Летающие».

– Не знаю, где ты такие сведения взяла, – с презрительным высокомерием сказала Маринка, та еще, между прочим, фифа, – я, например, читала, что «Самолет не приземлится» прекратил свое существование, когда появились «Летающие». Солистка «Самолета», Маша Непутева, и гитаристка, Клара Замайкина перешли в «Летающие». Так что, считай, «Летающие» – это...

– Самолет, который так и не приземлился, – пошутила я, – что ж, логическая связь налицо.

– Ну, че там еще? – любопытствовала Маринка.

– Знаешь что, пригласи-ка ты ко мне Сергея Ивановича. Мне с ним кое-что обсудить надо. Да и подготовиться к этому чертовому интервью надо... – решила я сбить с нее спесь.

Маринкина физиономия вытянулась.

– Я, между прочим, – с вызовом сказала она, – зная, что у тебя сегодня интервью с этим Ежовым запланировано, в разговоре с Сашком забросила удочку насчет его шефа...

– О! Как я тебе признательна и благодарна!

Маринка, не отреагировав на мое ироничное восклицание, принялась описывать Ежова. Ну и портретик получился! Какой-то компот из сухофруктов вперемешку с помидорами. Если еще учесть Маринкино красноречие, то нетрудно предположить, что после этого голова у меня сделалась немного прямоугольной.

* * *

До четырех – на этот час назначено было интервью – я еще многое узнала о самом Ежове и его творчестве. Я позвонила парочке знакомых коллег-журналистов, пишущих на музыкальные темы, одному редактору ежемесячника, освещающему события в шоу-бизнесе, посоветовалась со своим замом, Кряжимским Сергеем Ивановичем, который знает если не все, то почти все, что происходит в нашем городе, и у меня получилась довольно полная картина, дающая представление о жизни и достижениях Ежова-продюсера. Собственно говоря, я узнала о нем столько, что можно было вообще и не ехать на это чертово интервью, но... Наши читатели надеялись на «Свидетеля», который, они были уверены, представит им наиболее полную и правдивую информацию об их кумирах, и хотели услышать, то есть прочесть, что нового готовит им их кумир – продюсер, поэт и композитор, создатель и поныне гремевших в Тарасове групп «Вывих», «Летающие» и канувшего в Лету «Самолета».

Поэтому мне все же пришлось отправиться в студию Андрея Ежова, находящуюся на Соколовой горе в двухэтажном здании Дома быта нефтяников. Зная о необязательности дельцов от шоу-бизнеса, я заставила Маринку перезвонить Ежову, чтобы уточнить время визита.

– Все в порядке, – заверила меня секретарь, – он тебя ждет.

– Так уж и ждет? – засомневалась я. – Ты с ним лично разговаривала?

– Нет, – Маринка покачала головой, – у него до четырех запись, и он не может подойти к телефону. Но это означает, что он на месте и ждет тебя.

– Ладно, – обреченно согласилась я, – известная логика в твоих словах есть.

– Логика есть, – усмехнулась Маринка, – она не может не быть.

* * *

Итак, без десяти четыре я остановила свою «Ладу» рядом с красивым синим джипом «Сузуки» возле кирпичной двухэтажки, расположенной внутри довольно подозрительного безлюдного квартала, надела на плечо «Никон», с которым разве что не спала, и... уперлась в запертую парадную дверь. «Начало неплохое», – вздохнула я и заметила тропочку на снегу, ведущую, как предположила, ко входу настоящему, то есть черному. Пройдя вдоль фасада, я свернула за угол и увидела, что в торце здания есть еще одна дверь, и она даже приоткрыта. Войдя внутрь, что уже само по себе можно было считать успехом, я поднялась на второй этаж, прошла обшарпанным коридорчиком и очутилась у двери с надписью «Студия». Открыв ее, очутилась в узкой комнатушке, в конце которой стоял стол. За ним сидела молоденькая кудрявая шатенка в темно-зеленой водолазке, с ярко покрашенными губами. Ее кукольное личико если и выражало что-то, то скорее всего это можно было назвать пренебрежительным спокойствием.

Представившись, я сообщила шатенке, что на четыре у меня назначена встреча с Андреем Ежовым.

– У него запись, – пожала она плечами, – ждите.

Повесив свою шубку на вешалку, я присела на один из трех стульев, стоявших вдоль стены, и последовала совету секретарши. Передо мной была стена, выкрашенная в светло-лимонный цвет, с двумя дверями по краям. Одна, соответственно, оказалась почти рядом со мной, так как я сидела в самом конце приемной; другая около входной двери. Та, вторая, поминутно открывалась, впуская и выпуская юношей и девушек, которые то выходили в коридор по каким-то только им известным делам, то подходили к секретарше и перебрасывались с ней короткими фразами. Дверь же, ближняя ко мне, не подавала признаков жизни, и я решила, что вождельный субъект, то бишь господин Ежов, находится именно за ней. От этого мне, правда, не стало ни горячее, ни холоднее, но все же появилась некоторая определенность.

Просидев еще пятнадцать минут, я выразительно посмотрела на секретаршу.

– Не могли бы вы напомнить господину Ежову, – с оттенком раздражения попросила я, – что его ждут.

– Думаю, что он помнит, – полупрезрительно выпятив яркие губки, произнесла эта куколка.

– Полагаю, – снисходительно посмотрела я на нее, – что Андрей Николаевич, как человек творческий, может и не помнить обо всех назначенных встречах, поэтому я просто настаиваю, чтобы вы напомнили ему обо мне.

Видимо, мой холодный деловой тон несколько сбил с нее спесь. Она заерзала на стуле и даже сделала попытку подняться, но все же осталась сидеть.

– Давайте еще немного подождем, – предложила она с кривой улыбочкой.

– Не знаю, как вас зовут, девушка... – менторским тоном произнесла я.

– Светлана, – быстро представилась она.

– Так вот, Светлана, – цинично усмехнулась я, – мне кажется, что в шоу-бизнесе вы недавно и долго здесь не продержитесь.

Она подняла на меня удивленные глаза, и я поняла, что работает она здесь скорее всего не очень давно.

– Долго вы здесь не продержитесь по нескольким причинам, – снисходительно пояснила я. – Нельзя заставлять долго ждать корреспондента крупного тарасовского еженедельника, который может написать о вашем шефе все, что ему заблагорассудится, – это раз; во-вторых, нужно быть немного пошустрее; в-третьих...

Я не успела еще договорить, потому что ближайшая дверь отворилась, оттуда выглянул мужчина, и все внимание секретаря оказалось прикованным к нему.

– Света, кофе, – проронил он и хотел исчезнуть, но Света, «подбодренная» мной, остановила его:

– Андрей Николаевич, вас здесь ждут, – робко произнесла она.

– Да? – удивленно воскликнул мужчина и с интересом посмотрел на меня. – Ах да, конечно, конечно! Еженедельник «Свидетель». Разве уже четыре?

Вопрос был предназначен скорее секретарше, чем мне, но ответила я:

– Скоро половина пятого.

– Света, – Ежов бросил на секретаршу укоризненный взгляд, – что же ты мне не напомнила?

– Но ведь вы сказали, Андрей Николаевич... – начала было оправдываться она, однако он не дал ей договорить.

– Проходите, пожалуйста, – улыбнулся он одними уголками губ, – я скоро.

И снова пропал за дверью.

Не знаю почему, но, руля по направлению к студии Ежова, я представляла его себе с прической а-ля Люк Бессон – бобрик такой модный или ежик – блестящие от геля волосы намеренно подняты вверх. Есть в этой прическе что-то задорно-мальчишеское, словно человек только что встал с постели и то ли не захотел, то ли забыл причесаться. Наверное, иллюзия, что Ежов явится ко мне именно с такой прической, была связана с тем быстрым резонансом, который его колючая фамилия вызвала в моем воображении. У меня, должно быть, чисто детский лингвистический талант. Фонема для меня всегда полна смысла и значения. Так дети именуют милиционера улиционером, и только диву даешься, почему взрослые до этого сами не додумались?

Поэтому когда я увидела сидящего перед пультом на хитроумно вертящемся стуле Ежова, нервно подпрыгивающего ногой и делающего нелестные замечания в адрес поющих за прозрачной стенкой трех смазливых полураздетых девиц, я несколько оторопела: Ежов имел совершенно иную прическу. Его цвета спелой пшеницы, разделенные посередине пробором волосы были подстрижены таким образом, что две раскачивающиеся в такт убогому ритму очередного «шедевра» гладкие пряди, которые были намного длиннее остальных, все время накатывали на его матово-смуглое лицо со следами оспы. Он был худощав, невысок, эффектен. В узких брючках, белой майке в обтяжку и поблескивающей курточке, напоминающей ветровку.

Приподнято-округлые темные брови придавали ему удивленный вид. Крупный заостренный нос, тяжеловатый, резко очерченный подбородок и живые глаза, цвета которых я не могла определить из-за приглушенного освещения, делали его физиономию незаурядной. В руке он держал солнцезащитные очки. Две глубокие морщины на его впалых щеках и резкость жестов заставляли думать о Ежове как о неводержанно-любопытном, экспансивном человеке, привыкшем испытывать на прочность себя и других.

Когда девушки издали очередной душераздирающий вопль, он вымученно улыбнулся, и я поразилась, до чего же неприятная, клоунская у него улыбка. Наигранно терпеливая, без всякой теплоты. Наверное, все дело было в его невыразительно-узких губах и том наплыве тщеславной спеси и превосходства, которые он вкладывал в нее.

– Так, – он повернул к себе микрофон, закрепленный на пульте, – третий сорт – не брак. Теперь – «Голубые ели».

Пронеслось в мозгу окончание анекдота про Штирлица – голубые еще и пили.

Справа от пульта находился стол, за которым я и устроилась, а так как на столе была еще и пепельница, то достала сигареты, закурила и стала наблюдать за происходящим. Девчушки за стеклом задержались под слышную им одним музыку. Я поняла, что Ежов слушает их через наушники, которые он нацепил на голову.

Через некоторое время в комнату вошла Света с подносом, на котором стояли две чашки. Одну она поставила на горизонтальную часть пульта для Ежова, а вторую подала мне. Здесь было не так скучно, как в приемной, и хотя я не слышала ни музыки, ни голосов девушек, было довольно интересно наблюдать за их телодвижениями.

Андрей Николаевич тоже смотрел за стекло, не обращая на меня никакого внимания. Даже не извинился, мерзавец, подумала я, втайне лелея мысль, что когда, наконец, представится возможность с ним поговорить, задам ему такие вопросы, от которых у него сыпь пойдет по всему телу. Только поэтому я и решила остаться и дожидаться этого шоу-бизнесмена, сколько бы это ни отняло у меня времени.

Ежов часто останавливал девушек и говорил им через микрофон что-то вроде:

– Маша, живее, живее, что ты как спящая красавица!

Или:

– Клара, задом надо двигать, задом! У тебя же хорошая попка, покрути ею как следует.

И еще:

– Леночка, Леночка, не сутуль спину, сиськи вперед, позадорнее, ты не на поминках!

И еще что-то в том же духе, ни слова не говоря о том, как они поют, как будто бы к их пению претензий у него не было. Я видела, что девушки улыбаются и что-то отвечают ему, потому что их губы шевелились, но слышал их только Ежов, так как он был в наушниках, а стеклянная стена не пропускала звуков.

После того как я выкурила несколько сигарет, в студию вошла Света и что-то шепнула на ухо Андрею Николаевичу, которое он предусмотрительно освободил от наушника. Он кивнул, извинился передо мной, сказал, что сейчас будет и... исчез почти на полчаса.

Я только вздыхала и продолжала строить планы мести, один страшнее другого.

Наконец Ежов снова появился, накинув теперь на майку курточку. Подошел сначала к пульта и, не садясь на стул, прокричал в микрофон девушкам за стеклом:

– На сегодня все свободны.

Потом направился ко мне.

– Прошу прощения, Ольга Юрьевна, – улыбнулся он своей некрасивой, подобострастной в этот момент улыбкой, – в сутках, к сожалению только двадцать четыре часа.

Растягивая рот, он прижимал руки к груди, наверное, для пушей убедительности.

– Похоже, что вы только что об этом узнали, – ехидно улыбнулась я.

– Знаете что, – он задрал немного рукав куртки и взглянул на часы, – я перед вами провинился и хочу как-то загладить свою вину. Приглашаю вас в клуб «Матрица», там-то я уж целиком буду в вашем распоряжении хоть до самого утра.

– Я бы могла управиться намного быстрее, – сухо ответила я. – Может, все-таки поговорим здесь?

– Нет, – решительно заявил Ежов, – я просто обязан угостить вас. Кстати, там выступает «Вывих», посмотрите заодно.

– Хорошо, – ничего не оставалось мне, как согласиться.

А что делать? Можно было бы, конечно, настоять и проинтервьюировать его не отходя, как говорится, от кассы, но прозвучало в его просьбе что-то искреннее, что-то наивно-мальчишеское, и я уступила. И потом, раз уж писать о продюсере, надо знать что-то и о его воспитанниках.

– Вот и замечательно, – улыбнулся Андрей Николаевич, – поехали.

На сей раз он не заставил себя долго ждать. Пока я надевала шубу, он уже появился в длинном красно-коричневом пальто и, взяв меня под руку, повел вниз. Там у нас вышел спор. Я настаивала на том, что должна ехать на своей машине, он же предлагал отправиться на его джипе «Сузуки».

– Я вас доставлю сюда в целости и невредимости, – убеждал он меня.

– Ладно, – согласилась я, решив, что смогу начать интервью уже в машине.

– Это тот самый джип, из-за которого вы судитесь с Поплавским? – спросила я, устроившись на удобном переднем сиденье.

– Все-то вы, папарацци, знаете, – язвительно усмехнулся он, трогая джип с места, – это не слишком интересная история.

– Раз уж об этом стало известно, – заупрямилась я, – не лучше ли было бы прояснить ситуацию. А то ведь пойдут самые невероятные истории. Впрочем, вам ведь это только на руку, – добавила я, пытаюсь разговаривать его.

– Вы имеете в виду слухи? – Он холодно посмотрел на меня. – Да этот сукин сын, извините, просто подставил меня. Расплатился со мной нерастаможенным автомобилем. Мне пришлось отвалить за него больше, чем Поплавский был мне должен.

– Надо было все основательно проверить, – пожала я плечами, – прежде чем принимать в уплату джип.

– Проверить, проверить, – недовольно пробурчал Ежов, – я же говорил вам, в сутках всего двадцать четыре часа. У меня катастрофический цейтнот. Не могу я все контролировать, а такие люди, как Шурик Поплавский, пользуются этим. Он ведь прекрасно знал, что джип не растаможен, но ничего не сказал мне об этом. А теперь заявляет, что предупреждал меня. Кстати, вы его увидите в «Матрице».

Кроме нас, в машине сидели два неразговорчивых бугая с хмурыми лицами. Классические костюмы и длинные кожаные плащи, которые эти внушительной внешности парни носили нараспашку, не могли скрыть их социального происхождения. Понятно, все мы более-менее из рабочих и крестьян. Но ведь и класс трудящихся далеко не однороден. У этих и физиономии, и повадки были люмпеновские. Да, да, этикие пристроенные, приглаженные, приодетые люмпены! Качки – на службе люмпеновского искусства, по сравнению с которым массовое представлялось более высокой ступенью. Меня поразила подобная гармония: люмпену – люмпеновское. Перехватив мой взгляд, Ежов изо всех сил постарался беззаботно улыбнуться:

– Знакомьтесь, Слава и Жора. Удалые ребята, скажу я вам, – добавил он фамильно-игривым тоном.

В ответ на эту льстивую похвалу – льстивой ее делала неприятная улыбка Ежова – смесь заискивающей осторожности и презрительного тщеславия – по каменным лицам парней пробежало что-то вроде судороги, подобной той, что дала толчок миру неорганической материи. Их бледные, плотно сомкнутые губы слабо шевельнулись.

– Насколько я знаю, Поплавский ваш коллега? – продолжила я разговор, больше не отвлекаясь на удалых парней.

– Можно его назвать и так, – пренебрежительно произнес Ежов, – только его проекты больше двух-трех месяцев не живут. Может, слышали дуэт «Солнечный зайчик»?

– Что-то не припомню, – я пожала плечами.

– Шурик этим дуэтом полгода занимался, стихи им сам Юрий Шажков писал, ну, тот, который для «Распашонок» сочинял. Вот, кстати, мы и приехали.

Ежов остановил машину на большой стоянке возле киноконцертного зала, где на втором этаже располагалась «Матрица», и выжидательно посмотрел на меня.

– Не хотите перейти на «ты»? – неожиданно предложил он. – Я со своими девчонками запросто общаюсь, а вы почти их ровесница.

– Не возражаю, – ответила я, – если это не помешает нашему интервью.

– Конечно, не помешает, – он открыл дверь и легко выпрыгнул на улицу.

Один из телохранителей тут же оказался рядом с ним. Он беспокойно озирался по сторонам. Другой вознамерился помочь выйти из машины мне. Но я скупой поблагодарила его, решительно отказавшись от его помощи. Он флегматично усмехнулся, еще более флегматично пожал плечами и присоединился к своему товарищу-бугаю.

Самостоятельно выйдя из машины и поправив на плече ремень «Никона», я взяла в руки сумочку, направившись к центральному входу. Ежов галантно поддерживал меня под руку.

– А нам удастся здесь спокойно поговорить? – опять засомневалась я.

– Какой разговор, Оленька, – успокоил меня Александр, – там полно укромных местечек, где нам никто не помешает.

Удалые парни прикрывали нас с двух сторон.

Глава 2

Вот чего не ожидала, так это толпы зевак и фоторепортеров, оккупировавших подступы к «Матрице», и я уже не раз пожалела, что не перенесла это чертовое интервью на другое время. Вся надежда была только на Славу и Жору, и парни не преминули показать, на что способны. Отжимая толпу любопытных и все время заходя немного вперед, они буквально прорубали путь во льдах людской симпатии и праздного интереса. Конечно, народную любовь лучше было бы сравнить с морем клокочущей лавы, но ведь ледоколы – а именно ледоколами казались мне сейчас ежовские телохранители – двигаются среди льдов, ведя караваны судов.

Вдруг за спиной я услышала возглас:

– Оля, Оля!

Я повернула голову и увидела возбужденное лицо Кирюхи Захарова, своего давнего приятеля из «Маргинала», газеты, освещающей культурные события в нашем городе. Я только успела махнуть ему рукой: мол, ничего сделать не могу. Зная о популярности моего спутника, который просто упивался подобными знаками внимания, гулом восторженных голосов, всей этой радостной сумятицей встречи со своими беснующимися поклонницами, я все-таки не могла предположить, что народная любовь ко всем этим «Голубым елям» и «Я тебя не скоро разлюблю» примет такой размах. Приезд Ежова вызвал настоящий ажиотаж. Уже у самого входа продюсер, который краем глаза следил за моей реакцией на всю эту шумиху, теснее прижал меня к себе.

– Чтобы не раздавили, – заискивающе и холодно улыбнулся он.

Я ответила ему неловкой улыбкой. Слава и Жора, усердно махая и разгребая руками толпу, надсадно рычали:

– Девушка, с дороги! Освободите проход!

Голоса у них оказались под стать их устрашающей внешности: грубые, громкие, хриплые.

– Нет, что делается, что делается! – с наигранной досадой восклицал Ежов.

В этот момент какая-то сумасшедшая девица прорвалась сквозь стену энергично жестикулирующих и орущих поклонниц, беспокойно снующих туда-сюда журналистов и едва не бросилась нам под ноги.

– Осторожней, – цинично хохотнул Слава, подхватывая потерявшую селф-контрол девушку.

Та забилась в истерике, судорожно выкрикивая:

– Андрюша, ты прелесть, Андрюша, А-андрю...

– Уберите ее! – резко скомандовал Ежов. – Не видите, она не в себе!

Он брезгливо поморщился и отвернулся. В следующую секунду что-то прохладное и темное прыгнуло мне в лицо, больно ударив по щекам и глазам. Я страшно испугалась. Но когда распахнула глаза, увидела, что это обыкновенные розы. Они валялись на снегу, напоминая своим темным багрянцем пятна крови. Фу ты!.. Я тряхнула головой. Глаза отчаянно слезились, ноги подкашивались. Это он специально пригласил меня в клуб, чтобы я почувствовала на себе шквал народного обожания, сильно смахивающего на дикую ярость.

Наконец нам удалось прорвать блокадное кольцо и войти в здание.

– Уф! – Вынув из брюк носовой платок, Ежов промокнул лоб и устало опустился на кожаный диван.

Телохранители выстроились рядом.

– Да отойдите вы, – раздраженно махнул рукой Ежов, – примелькались! Вот так, Ольга, теперь сама видишь, как нелегко мне живется.

Я тоже присела на диван. В реплике Ежова, конечно, присутствовали и рисовка, и фальшь, но на секунду я купилась на его утомленно-растерянный вид. Я уже потянулась было

за сигаретами, но из зала в просторное фойе хлынула другая толпа, состоящая, как можно было догадаться, из преданных друзей, ценителей, коллег, людей, с которыми Ежова связывало лишь шапочное знакомство, и всякой придворной мелюзги, что обычно вьется вокруг кумиров. Холл наполнился шумом, гулом голосов и шарканьем.

– Андрей! – ринулась к Ежову раскрасневшаяся полная брюнетка в черном декольте. – Мы тебя заждались! Леша заверил нас, что ты будешь, Шурик тоже... да вот и он!

Из-за спины дамы и сопровождавших ее двух молодых парней, по виду напоминающих альфонсов, показался широкоплечий упитанный дядечка в сером джемпере, надетом прямо на голое тело, и черных свободных брюках. На груди у него висел какой-то тускло мерцавший медальон, очень похожий на свастику.

– Рад видеть, – протянул он напрягшемуся Ежову короткопалую руку, поросшую рыжими волосками. – А это кто? – с любопытством воззрился он на меня.

Я тоже его разглядывала. Среднего роста, лет сорока пяти – сорока семи, с большим животом, открытым лоснящимся лицом, с коротко стриженными рыжевато-русыми волосами, плутоватыми голубыми глазами и наглой, обезоруживающей улыбкой.

– Знакомся, Оля, – стараясь выглядеть как можно более непринужденным, произнес Ежов, – Шурик Поплавский.

– Фи, Дрюня, что за бесцеремонный тон, – лукаво скосил глаза Поплавский на своего коллегу, не забыв скользнуть по мне оценивающим взглядом, – а вот с Олей, думаю, мы быстро подружимся.

Он потерял свою массивную шею и плюхнулся на диван рядом со мной.

– О, какая у тебя штука! – взялся он за ремень моего «Никона». – Ты у нас как – подруга или корреспондентка?... – горячо зашептал он мне в ухо.

– А где Коля? – резко спросил Ежов.

– В зале остался. По-моему, он с твоей новенькой контакт налаживает, – хитро улыбнулся Поплавский.

На левом мизинце у Шурика светился большой бриллиант, в ухе – золотое колечко. От него пахло алкоголем, сигарами и «Минотавром». Каким бы крутым боссом он ни был, все-таки этот аромат слишком изыскан для него, мелькнуло у меня в голове.

В то время как мы таким вот незамысловатым образом общались, вокруг все плотнее смыкались ряды попсовой «крутизны» и богемы. Я видела перед собой наштукатуренные лица молодых и пожилых див, беспокойные физиономии творческого молодняка, всех этих хлипких, тонкобедрых и быстроглазых пареньков в радужных кофточках и узких брючках, бесстрастные маски представителей иных фирм, спонсоров, снисходительно поглядывающих на забавы тусовки. Иногда общий гул, напоминавший непрерывный морской рокот, пронзали счастливые визги, которые, по всей видимости, испускала наиболее восторженная и глупая часть модной тусовки – голопузые девицы в топиках, шортиках и символических юбочках. За разноцветной стеной из человеческих тел чувствовалось какое-то шевеление, веселая потасовка и беготня. Куда я попала? – с недоуменным скепсисом думала я.

– Ну ладно, – поднялся с дивана Ежов и, бросив на руки Жоре свое шикарное пальто, направился в зал, откуда уже доносились сентиментально-монотонные аккорды.

Излишне говорить, что вся команда двинулась следом за ним. Шурик Поплавский не отпускал мою руку, и Ежову это явно не нравилось. Он сурово взглянул на своего компаньона. Тот сделал вид, будто случайно застрял возле толстой брюнетки, которую он жеманно именовал Бригиттой.

– Кто это такая? – спросила я шепотом у Ежова.

– Спонсорша наша, владелица кирпичного завода.

– А-а, – протянула я.

Избавившись от общества Поплавского, Ежов заметно повеселел. Он игриво обхватил мой стан, повернув при этом ко мне голову, и мягко улыбнулся. Но улыбка его опять-таки в силу присущей ей двусмысленности и неискренности вышла у него елейной. Так мы и вошли в зал, словно двое влюбленных, причем Ежов все плотнее прижимал меня. Так что, когда мы остановились перед сервированным столом, можно было подумать, что он сгорает от бешеного желания. Только я попыталась хоть немного ослабить это излишне интимное объятие, как рука моего спутника вспорхнула к моему плечу и, с нежной фамильярностью потрепав его, быстро опустилась.

– Ситдаун, плиз, – слащаво улыбнулся Ежов, падая на обитый пятнистым гобеленом стул.

Жора отодвинул мой стул. Я села. Два других места за нашим столом заняли Поплавский и Бригитта. Еще через секунду к нашему столу подошел высокий худощавый парень в коричневой футболке и кроссовках.

– А-а, Женька, – протянул ему барственным жестом свою мускулистую руку Ежов. – Славик!

Славик откупорил бутылку шампанского и разлил по фужерам. Мы дружно чокнулись и выпили. Тут к нашему столу приблизился еще один парень, с головой, напоминающей яйцо, и жадными волчьими глазами стального цвета. Он уставился на меня, словно мы были знакомы. Я намеренно не замечала его долгого пристального взгляда.

– Рудик прислал, – подобострастно улыбнулся Ежову, весь сжавшись в порыве самоуничтожения, Женька, – знакомься, Никита.

– А сам Рудик? – снисходительно поинтересовался Ежов.

– Отдыхает, – ответил за Женьку Поплавский, – мы с ним вчера здорово накачались. Ну, ты-то меня знаешь, – гордо приосанился он, но тут же вновь развалился на стуле, – я наутро, как огурец. А вот Рудик...

Раздался ядовитый смешок.

– Ну, мы-то знаем, какой ты герой, – с холодной иронией откликнулся Ежов, бросив на Поплавского насмешливый взгляд, – ты, Никита, садись. Оля, – вдруг обратился он ко мне, – как он тебе, нравится?

Последнюю реплику Ежов произнес развязным тоном. При этом манерным жестом приобнял меня за плечи и заглянул в глаза. Я попробовала высвободиться.

– Лешка где? – спросил у Женьки Ежов.

– Тел... то есть девчонками занимается.

– Пойду проверю, – осушив еще один фужер шампанского, Ежов развинченной походкой направился к сцене. Женька и Никита лениво поплелись за ним.

– Все-таки вы, деятели шоу-бизнеса, – жеманно улыбнулась молчаливая до сих пор Бригитта, – иногда бываете такими грубыми!

Она брезгливо выпятила густо накрашенные губы и стрельнула глазками в Поплавского. Но тот явно не был сторонником геронтофилии, скорее наоборот – поклонником буйно цветущей юности.

– Ой, матушка, – фамильярно похлопал он ее по голой спине, так что она скорчила недовольную мину, – не иногда, а почти всегда. А что делать? – бросил он на меня полный сожаления взгляд, – работа такая. Сплошные допинги, грубости, истерии...

– Что нам готовят мальчишки? – с материнской интонацией в голосе осведомилась Бригитта.

– Композиции с последнего диска, насколько я в курсе... – небрежно произнес Поплавский.

– А «Я тебя не скоро разлюблю» там есть? – с наивным интересом спросила Бригитта.

– Есть, – еще более вальяжно раскинул свои члены на стуле Поплавский. – Черт, стулья неудобные здесь! Игорь, – крикнул он в глубину темного зала, – кресло мне принеси!

Я заметила в дальнем правом углу высокую фигуру, которая мгновенно отделилась от толпы одетых во что-то пестрое и блестящее девиц и поспешила за кулисы.

– Ну, когда же они начнут? – нетерпеливо заерзала Бригитта, трогательно и неуклюже разыгрывавшая из себя маленькую девочку.

– А что нам, плохо, что ли? – загоготал Поплавский.

Он разлил по бокалам шампанское и весело поднял свой.

– Ну, – радостно рыкнул он, – за приятное знакомство!

Я лишь пригубила фужер, Бригитта же жадно приникла к бокалу и в мгновение ока осушила его.

– Что, – бесцеремонно толкнул меня локтем Поплавский, – нелегко тебе? Ты мне так и не ответила, – кинул он многозначительный взгляд на меня и тронул «Никон», – это камуфляж или Дрюня тобой очарован?

Последнее слово он произнес нараспев, явно с циничным подтекстом. Меня изрядно раздражал этот пошлый тип, но я решила дожидаться Ежова. Зря, что ли, терпела?

– Я на такие вопросы не отвечаю, – хмуро парировала я.

– Это твоё дело, матушка! – облизнулся Поплавский.

К нашему столу опять подошел Никита. Он наклонился надо мной и глухо сказал мне на ухо:

– Можно тебя на минутку?

Я подняла голову и одарила его непонимающим взглядом.

– Меня?

– Ты – Ольга?

– Ольга, а что? – ещё больше удивилась я.

– Мне...

– Слушай, Никита, ты к Ольге не приставай, – раздался где-то сбоку высокомерно-задирный тенор Ежова, – давай, парень, проваливай!

Никита злобно зыркнул на Ежова, но тут же, стусевавшись, отошел.

– Что у него к тебе? – небрежно спросил Ежов. Я меланхолично и озадаченно пожала плечами.

– Не знаю я ни его, ни приславшего его... как ты сказал... Рудика...

– Да это мой старый друг. Станный тип... – Ежов на минуту задумался. – А кто сейчас не странный? – вызывающе засмеялся он и, не дожидаясь моей ответной реплики, объявил:

– Сейчас начнется! Ну, девки, ну, злодейки!

Он слащаво заулыбался.

– Вы же сказали, что «Вывих» будет выступать, – недоумевала я.

– И «Вывих» тоже, – сделал лукавую физиономию Ежов.

– Ты, Дрюня, – со снисходительным пренебрежением произнес Поплавский, – нас совсем что-то запутал.

Бригитта тоже терялась в догадках. Она бросала беспомощные взгляды то на Ежова, то на Поплавского.

– Дамы и господа! – хорошо поставленным голосом громко объявил Ежов, поднявшись. – Сейчас перед вами выступят дебютантки, мои подопечные. Группа называется «Пчелки». Три очаровательные девушки исполнят хиты «Летящих», а также мою новую композицию «Быстрая река», которая посвящена одной моей знакомой, – заулыбался он. – Итак, встречайте – «Пчелки»!

Хлынули аплодисменты. Кто-то даже засвистел. Задняя стена сцены полыхнула золотыми молниями, синие и желтые огни запрыгали по сцене, по залу стали шарить мощные прожекторы, выхватывая один за другим фрагменты зрительской реакции – живую фреску замороженных или расслабленно-вялых лиц. Зал потрясли первые аккорды очередного попсового

«шедевра». На сцену выскочили три девицы. Две брюнетки и одна блондинка. На одной были блестящий лифчик и красные шорты, надетые на черные колготки, на другой – шелковые шальвары с гигантскими разрезами, на третьей – синий в желтых разводах топ и сверкающая серебром мини-юбка. Девушки как сумасшедшие задергались и заголосили. Визгливые голоса резали слух.

– Отстой! – пренебрежительно махнул рукой Поплавский.

– Да какого хрена, – взбеленился Ежов, – дай послушать!

– Слушай, Дрюня, слушай, да не забывай, у кого мотивчик спер, – угрожающе насутился Шурик.

– Потом, – сделал нетерпеливый жест Ежов, все внимание которого было устремлено на сцену.

Помнишь, как с тобой гуляли
Под луною желтой-желтой,
А когда листвою опали
Чувства нежные, ушел ты.

Я тебя ни в чем не виню,
Я сама такая —
У меня семь пятниц на дню,
Быстрая река я, быстрая река я... —

тянули девушки, лихо пританцовывая.

– Мне кажется, это новый хит, – горделиво улыбнулся Ежов, когда закончилась музыка и девушки покинули сцену.

Игорь, который, как я поняла, был телохранителем Поплавского, притащил удобный стул с подлокотниками и, поставив его рядом с Шуриком, отошел на пару шагов назад.

– Вот это другое дело, – Поплавский пересел в кресло и достал сигареты.

После «Пчелок» на сцене появился «Вывих» – трое парней в блестящих жилетках на голое тело, один – в шортах до колен, двое других – в белых обтягивающих трико с тройной золотой полосой по бокам. Они двигались довольно синхронно, делая при этом весьма откровенные жесты, ну и, конечно, пели. Бригитта была поглощена происходящим на сцене, не забывая, однако, прихлебывать из бокала. Мне же все это довольно сильно наскучило, если не сказать – осточертело. Я наклонилась к столу за сигаретами и услышала, что Андрей о чем-то вполголоса беседует с Шуриком. Музыка гремела вовсю, и говорили они, не понижая голоса, явно думая, что их никто не слушает, или им было на это наплевать, не знаю, но мне было отчетливо слышно все, о чем они трепались.

– Давай сперва разберемся с джипом, который ты мне втюхал, – рубанул рукой воздух Ежов. – Подождем решения суда. Если ты убежден в том, что предупреждал меня, и суд это признает, я готов обсудить твои претензии по поводу мотивчика.

– Значит, ты признаешь, что украл его? – горячась, вопрошал Поплавский.

– Я этого не говорил, – Андрей выставил вперед ладонь, – я сказал, готов обсудить.

– Но ты ставишь еще какие-то условия, – повысил голос Шурик.

– Не какие-то, – пояснил Андрей, – а совершенно конкретные. Я заплатил за растаможку почти пятнадцать штук баксов да еще штрафа пять тысяч! Это больше, чем я тебе отдал за него. Я что, по-твоему, дочь миллионера?

– Ты прекрасно знаешь, что выиграешь этот процесс, – поморщился Шурик, – значит, и с мотивчиком ты меня собираешься опрокинуть. Я же стану нищим – по миру меняпустишь.

– Ну, не прикидывайся, – хлопнул его по плечу Андрей и улыбнулся, – знаем мы, какие у тебя доходы.

– Да что ты знаешь, что?! – Шурик схватил Ежова за отворот куртки.

Его запястье тут же сжала мощная рука Славика. Игорь шагнул было на выручку своему шефу, но путь ему преградил Жора.

– Да отцепись ты, – вырвался Поплавский, но нападать на Ежова больше не рискнул.

Он кивнул Игорю: мол, не суйся – и, откинувшись в кресле, закурил. Статус-кво был восстановлен. Я сделала вид, что ничего не заметила. Окружающие продолжали пялиться на сцену как ни в чем не бывало. Только Андрей все подливал себе шампанского. На обещанное интервью надежд оставалось все меньше. И до «Лады» моей Дрюня, похоже, меня теперь уже не доставит – слишком набрался. Я достала из сумочки мобильник и набрала номер редакции – на меня никто не обратил внимания. Трубку взяла Маринка.

Глава 3

– Виктор там? – резко спросила я.
– Да-а, – Маринка, видно, сразу почувствовала, что со мной что-то не так. – Что случилось?

– Ничего. Я в «Матрице», – отрезала я, – пусть возьмет запасные ключи у меня в столе и пригонит ко мне тачку.

Я объяснила, где ее найти.

– Ты все поняла? – строго спросила я.

– Да что с тобой? – не выдержала Маринка.

– Завтра объясню, – я нажала «отбой» и сунула трубку в сумку.

Оглядев зал, я снова поймала на себе взгляд Никиты, который подавал мне какие-то знаки. Он показывал на часы на своем запястье и проводил ладонью по горлу. «У парня не все дома», – поставила я диагноз и дернула Андрея за рукав куртки.

– Ты обещал поговорить...

– Конечно, конечно, – широко улыбнулся он, поправляя прядь волос, упавшую на лицо. – Погоди немного. Давай-ка выпьем.

Он взял со стола почти пустую бутылку и плеснул остатки в мой фужер.

– Да ты, я смотрю, не пьешь? – Он поднял брови и взглянул на меня.

– Учти, – процедила я сквозь зубы, – если не будет интервью, статью я все равно сляпаю. И это будет очень хорошая статья. Ее будут читать в городе все. Только...

– Чу, чу, чу, – остановил меня Ежов, – я все понял. Сейчас.

Не оборачиваясь назад, он поманил из-за спины Славика.

– Найди нам тихую комнатку, чтобы никто не помешал, понял?

Слава пожал плечами и отчалил.

– Все будет в порядке, – успокоил меня Ежов, – если я обещал – железно.

На столе откуда ни возьмись появилась новая бутылка шампанского, и веселье продолжилось. Бригитта без усталости болтала о выдающихся способностях Андрюшечки, как она называла этого переростка, и его воспитанников. Жора преграждал путь слишком уж назойливым поклонникам, Шурик слюнявил толстую сигару и глядел куда-то в одну точку на полу.

– Пойдем пока потанцуем, – неожиданно взяв меня за кисть руки, предложил Андрей.

Я согласилась. Лучше уж немного размяться, чем штаны протирать. Поднявшись, я опять встретилась взглядом с Никитой и отвернулась.

– Что за тип этот Никита? – шепнула я Ежову на ухо, когда он обнял меня за талию и мы принялись медленно двигаться по залу среди других пар.

Строго говоря, танцующих было немного: кроме нас с Ежовым, еще две-три пары, остальные дергались под рваные ритмы кому как бог на душу положит.

– Первый раз его сегодня вижу, – равнодушно ответил Ежов, прижимая меня к себе. – Он что, клеит тебя?

– Да, делает мне какие-то знаки, которых я не понимаю, – я выставила вперед локти, чтобы ограничить контакт с Андреем.

Не скажу, что его тесное соседство мне было совсем уж неприятно, просто я все еще злилась на него – он отнял у меня столько времени! И то, что я пригрозила ему сляпать статью, было чистой правдой – я могла так расписать эту вечеринку, что он не обрадовался бы.

– Хочешь, я у Женьки узнаю? – предложил Андрей, – нужно только найти его.

– Пока не надо, – мотнула я головой. – Так кто же все-таки такой этот Рудик?

– Рудик? – Ежов замялся. – Я же тебе сказал – старый приятель... очень старый... – равнодушно добавил он.

– Тоже деятель от шоу-бизнеса? – продолжала расспрашивать я.

– Вроде того, – кивнул Ежов.

Музыка еще не стихла, как к нам подошла молоденькая девушка, в которой я узнала секс-сапильную блондинку, недавно лихо отплясывавшую на сцене: невысокая, хорошо сложенная, стройная, с продолговатыми темными глазами и ровными округлыми бровями, в эффектном джемпере крупной вязки цвета охры и черных брюках дудочкой. Что-то в ее облике показалось мне знакомым. Она была подшофе и, похоже, настроена довольно агрессивно.

– Тебя можно на минутку? – срывающимся от волнения голосом сказала она Ежову.

Он сделал удивленное лицо, взглянув на нее сверху вниз, и иронически пожал плечами.

– Вика, ты же видишь, я занят... – с нарочитой назидательностью ответил он.

– Вижу, – капризно прогнусавила та. – Но ты занят весь вечер, – сделала она акцент на последнем слове, – а я не могу ждать.

Ее настойчивость производила не совсем, скажем так, благожелательное впечатление, но ей, похоже, было на это наплевать. Я недоумевала по поводу ее резкого вызывающего тона, недобро полыхавших глаз и того возбуждения, которое читалось на ее оживленном лице.

– Ну так как? – не отставала она.

Мимо нас прошел официант с коктейлями. Вика остановила его, схватила бокал и жадно отхлебнула.

– Тебе, по-моему, на сегодня хватит, – воскликнул раздосадованный Ежов, – иди, я сейчас приду.

Он сделал нетерпеливый жест. Но Вика продолжала донимать нас своими осуждающе-упрямыми взорами. Ее глаза были влажны и напоминали глаза газели. Или в них стояли слезы?

– Ну что такое, Вика! – потерял самообладание Андрей. – Я же сказал. Почему ты мне не веришь?

– Сам знаешь, почему, – бесцеремонно ответила Вика, отхлебнув из фужера.

– Этим ты ничего не добьешься, – вздохнул Ежов, – иди.

– А вот ты добьешься, – в голосе Вики послышалась явная угроза.

Она резко развернулась на каблуках и, виляя бедрами, пошла к сцене.

– Боюсь, я должен тебя на несколько минут покинуть, – виновато улыбнулся Ежов.

Я понимающе посмотрела на него и кивнула.

– Я недолго, – заверил он меня, признательный мне за это понимание, и тоже направился к сцене.

Я присоединилась к Бригитте и Поплавскому. Жорик в одиночестве отдыхал за соседним столиком: видно, Ежову наскучила его мелочная опека.

– Что, не повезло? – с наигранным сочувствием посмотрел на меня Шурик, – не пойму, че он с этой маленькой злочкой носится? Ни рожи, ни кожи. Где он ее раскопал? – пренебрежительно ухмыльнулся он.

– По-моему, все ясно, – выразительно взглянула на него Бригитта, – или ты, Шурик, ослеп?

– Хочешь сказать, отцовский инстинкт? – сделал комичную рожицу Поплавский, пошловато хохотнув.

– Вот уж! – передернула плечами Бригитта и тоже засмеялась. – Скажешь тоже!

– Это не для прессы, – продолжал веселиться Поплавский, толкая меня локтем в бок.

Чувствовалось, что эта милая парочка основательно набралась здесь, пока другие выясняли отношения или развлекались иным способом. Зачастую спиртное помогает скрашивать собственную невострегованность, а проще говоря, ненужность. В глазах Бригитты забегали-запрыгали озорные чертики. Взгляды Поплавского приобрели томную тягучесть.

Конечно, он актерствовал, лукавил и насмешничал, не брезгуя откровенно плоскими островами.

– Может, поиграем в от... – ухмыльнулся Поплавский, шутливо уткнувшись лицом в мое плечо.

Я не дала ему договорить. Резко поднялась и пошла к кулисам.

– Не волнуйся, милочка, – проблеяла мне вдогонку разомлевшая от спиртного Бригитта.

– Я и не волнуюсь, – оглянулась я, чтобы прихлопнуть этих дурашливых толстяков презрительным взглядом.

Но мой, как мне казалось, уничтожающий взгляд почему-то вызвал у Поплавского с Бригиттой дикий смех, лишний раз подчеркнувший их циничную развязность и вульгарность. Вот тебе и шоу-бизнес, саркастично усмехнулась я, идя наобум. Приблизившись к сцене, справа, в стене, заметила дверь. На свой страх и риск открыла и побрела по узкому, плохо освещенному коридору. А-а, здесь, похоже, гримерные. Неожиданно мне преградила дорогу статная женщина со взбитыми пышно волосами и в очках.

– Девушка, вы куда? Посторонним...

– Я ищу Ежова. Он обещал подойти, а сам куда-то пропал, – я сунула под нос бабе свое удостоверение.

Гонор хранительницы святая святых попсового мирка несколько поубавился.

– Он там, – махнула она рукой, – только...

Ее недоверчивый взгляд все еще продолжал буравить меня.

– Все нормально, – меланхолично улыбнулась я и устало побрела дальше.

Из-за дверей неслись крики и ржанье. Видно, «Вывихи» забавлялись. Я миновала еще несколько дверей и, услышав знакомые голоса, остановилась у той, ручка которой нервно дергалась. Пронзительные всхлипы чередовались с протяжными стонами и жалобами. Обычное женское нытье, констатировала я. Скорее всего Вика, прижавшись спиной к двери, не давала Ежову выйти.

– Я же не могу разорваться, – еле сдерживая раздражение, внушал он ей, – ты хочешь невозможного: чтобы я все бросил и занимался только тобой! Что прикажешь мне делать, – запальчиво вопрошал он, – уволить всех, не общаться с прессой? Ты и так меня подставила... Подлетела, как сумасшедшая, глаза вытаращила. И перестань пить! – заорал он.

– А что мне еще остается делать? – завопила Вика. – Ты все время с той кошелкой...

«Это, кажется, в мой адрес... Нужно тебя проучить, девушка. Хотя, вижу, тебе и так не сладко приходится», – добродушно заключила я.

Вика, слышалось за дверью, всхлипнула и разревелась.

– О господи, господи! – неистовствовал Ежов. – Не терплю я женских слез! Успокойся немедленно или больше...

Он задыхался от бешенства.

– Или что? – сдержав рыдания, удрученно промямлила Вика.

– Больше меня никогда не увидишь! – выпалил Ежов. – Поняла?

Повисла мучительная пауза, прерываемая только Викиным постаныванием и нытьем.

– Ну хорошо, – устало проговорил Ежов, видно, решивший драконовым мерам предпочесть мирные, дипломатические. – Я тебя люблю, ты это прекрасно знаешь... – перевел он дыхание, – обещаю быть более внимательным. Но и ты обещай мне...

– Что-о? – потерянно спросила Вика, голос которой все еще дрожал.

– Давать мне передышку, хоть иногда... Воздуха... Я задыхаюсь! Чтобы творить, нужно дышать полной грудью!

– Я не понима-а-аю... – заныла Вика, – не понимаю.... Эта твоя Ольга... – сдавленно произнесла она, – ты же обещал с ней порвать.

«Похоже, девушка на грани психического срыва, – сочувственно подумала я, – или это алкоголь усиливает ее желание страдать? Выходит, она даже знает, как меня зовут. Но рвать со мной – это что-то новенькое. Интересно, Ежов ей сказал, или она успела навести справки? Ревность порой заставляет женщин быть на редкость изобретательными и расторопными. Что же это, она считает меня подружкой своего ненаглядного?» Мое сочувствие вмиг испарилось.

За дверью опять послышались рыдания.

– Ты мне всю душу вымотала! – утратив веру в возможность мирно разрешить конфликт, взревел Ежов. – Мало того, что дураком перед всемиставляешь, так еще с ума сводишь! Нет! – выдохнул он. – Чтоб я еще раз связался с малолеткой...

– Я не малолетка! – с вызовом воскликнула, с новой силой обретшая вдруг все свое жестокое упрямство и непримиримую враждебность, Вика. – Ты сам все затеял!.. Смотреть противно, как ты перед этой папарацци распинался!

Ее голос дрожал, но теперь уже не от слез, а от возмущения и презрительной ненависти.

– Ревнуй, ревнуй, – с нарочитым спокойствием, за которым угадывалось желание уставшего человека как можно быстрее свернуть эту никчемную дискуссию, сказал Ежов, – а я пошел! – гордо объявил он.

– Андрюша! – завизжала Вика.

И в тот же момент что-то бухнулось на пол. Ручка двери судорожно дернулась в последний раз и через несколько секунд замерла. Я поняла, что Вика упала на колени. Вот комедия-то!

– Дай пройти, – стальным голосом произнес Ежов, – прочь с дороги!

Послышался шум борьбы.

– Нет, нет! – завопила Вика.

Взяв, как говорится, ноги в руки, я понеслась по коридору. Не хватало еще, чтобы меня здесь застукали! Выскочив в зал, я придала себе максимально чинный, если не чопорный вид. На моем лице, я чувствовала это, сияла довольная улыбка. Нет, не надо думать, что это была улыбка, полная злорадства или превосходства. Просто я поняла, что Ежов уже на подходе и я, наконец, смогу взять у него интервью.

Спокойно оглядевшись, я выбрала себе пристанищем стойку в углу. Мучила жажда, за столик к Поплавскому и Бригитте возвращаться решительно не хотелось. Официанта поблизости не оказалось. Глотнув сухого белого вина, я почувствовала себя в раю. Танцевальная площадка была как на ладони. Я рассеянно обзирала танцующих и потягивала вино. Жорик по-прежнему сидел за столиком в углу. Забавно было наблюдать, как по его деревянному лицу пробегают широкие, на лету расслаивающиеся блики света.

– Еле тебя нашел, – услышала я откуда-то сбоку голос Ежова.

Я безучастно, не обнаруживая своего тайного знания, посмотрела на него.

– Что? – прикинулась я рассеянно-зачарованной.

– Потанцуем? – Он взял у меня ополовиненный фужер и, поставив его на столик, потянул меня за руку.

«Что это он мной распоряжается?» – недовольно подумала я, но, приняв во внимание его состояние, позволила увлечь себя на площадку.

Ежов был подозрительно спокоен.

– Разрешили ситуацию? – уступая обычной женской стервозности, холодно полюбопытствовала я.

– А? – Ежов сделал вид, что не понимает, о чем я толкую.

– Конфликт разрешили? – подъехала я с другой стороны.

– Да, – отрывисто бросил он.

Видно было, что ему неприятно говорить об этом, но все-таки он счел себя обязанным запудрить мне мозги.

– Как выпьют – совсем голову теряют! Жалуются, доносят, кляузничают друг на друга. А эта влюбилась в одного повесу, – упорно отводил он глаза, – так просит, чтобы я его прослушал. Да если я буду всех прослушивать... – усмехнулся он.

– Смелая девушка, – намекнула я на решительный Викин тон.

– Молодежь! – снисходительно улыбнулся и вздохнул Ежов. – Пока мы молоды, нам море по колено. Только повзрослев, начинаешь более адекватно оценивать свои поступки и возможности. У Вики все еще впереди, – с отеческой интонацией добавил он.

– Хорошо, когда рядом такой мудрый наставник, – польстила я ему в расчете на то, что он не замедлит дать мне интервью.

– О-о, а вот и наш друг Шажков! – воскликнул он вдруг. – Пошли, я тебя познакомлю.

И он потащил меня к столу, где сидел круглолицый улыбающийся мужчина в кожаной кепке. Ему было около пятидесяти, и я вспомнила, что фото этого человека я видела в одной из тарасовских газет. Кажется, в «Маргинале». О нетрадиционной ориентации этого чудаковатого поэта по городу ходили самые невероятные слухи, самым Шажковым не подтвержденные, но и не опровергнутые. За столом поэта сидели два молодых смазливых парня с маленькими в ушах сережками из белого металла. На столе, ловя радугу огней, заманчиво поблескивала ополовиненная бутылка «Столового вина номер двадцать один», попросту говоря, смирновской водки. И никакой закуски, если за таковую не считать фанту.

– Юра, привет, – Ежов придвинул мне свободный стул, а себе быстро нашел еще один, – как успехи?

– Привет, привет, – тоненьким голоском пропел Шажков, бросив на меня короткий, незаинтересованный взгляд.

– Познакомьтесь, – Ежов представил нас.

Парней звали Саша и Коля, и они дружно стали предлагать мне выпить с ними водки, а Андрей о чем-то зашептался с Шажковым.

– Оленька, выпей, пожалуйста, – поддержал их Шажков тоном капризного ребенка, отвлекшись на минуту от разговора, мило улыбнувшись и подмигнув мне.

– Я за рулем, – развела я руками, – если только фанты.

Мне тут же налили оранжевой пузырящейся жидкости и напрочь забыли про меня. Правда, когда я достала сигарету, один из парней, не то Саша, не то Коля, поднес мне зажигалку.

– Значит, вы, Оленька, работаете в газете? – жалобно-меланхоличный фальцет Шажкова вывел меня из состояния глубокой задумчивости.

– В «Свидетеле», – кивнула я.

– Солидная газета, – закачал головой Шажков. – А здесь отдыхаете или на работе?

– Разве у журналистов бывает полноценный отдых? – пожаловалась я. – Ваш приятель таскает меня за собой уже почти три часа, а я никак не могу взять у него интервью.

– Так возьмите у меня, – визгливо воскликнул, расплывшись в улыбке, Шажков, – или у вас конкретное задание?

– А что, – вздохнула я, презрительно посмотрев на Ежова, – это идея.

– Нет, Юра, так не пойдет, – обиженно, не без кокетства возразил Ежов. – Я уже почти решил с помещением, а ты мне все портишь. – Он покрутил головой и заметил Славику, направлявшегося к нам с другой половины зала. – Вот видишь, Слава уже все устроил. Ну как? – уставился он на своего телохранителя.

– Кабинет рядом с конференц-залом, – громко показал рукой в сторону лестницы.

– Прошу нас извинить, – довольный таким исходом, сладенько улыбнулся Ежов Юре и его приятелям, помогая мне подняться. – Я не прощаюсь.

Я забрала «Никон», оставшийся на столике, за которым скучали Бригитта с Поплавским, и присоединилась к Ежову, над которым двумя гранитными монолитами возвышались Слава и Жора. Шагах в пятнадцати от Андрея кто-то схватил меня за руку и резко потянул в сторону.

– Ты че, в натуре, – услышала я горячий, злобный шепот Никиты, – играть со мной вздумала? Не советую.

– Да пошел ты, кретин! – Я попыталась оттолкнуть его, но он не отпускал руку, сжимавшую мне плечо.

– Я тя урою, бля, кошелка драная! – Он приблизил свое лицо вплотную к моему. Его глаза излучали такую необъяснимую свирепую ненависть, что мне даже расхотелось ругаться.

– Чего тебе нужно-то, мальчик? – решила я хотя бы прояснить ситуацию.

Он что-то хотел мне ответить, но не успел. Подоспевший Слава схватил его одной рукой за шиворот, а другой за горло и приподнял над полом.

– Те че, паскуда, – грозно спросил он, – жить надоело?

Никита сучил ногами, пытаясь достать носками пола, но только шаркал по плиточному покрытию. Вместо слов из его горла вырывались сдавленные сильные звуки.

– Ну что, падла...

Тут подлетела местная охрана в виде худосочного парня в сорочке с короткими рукавами и резиновой дубинкой, болтавшейся на поясе.

– Что здесь происходит? – вклинился он между мной и Славой, который опустил Никиту на пол, но еще продолжал держать за шиворот.

– Да ниче, братан, мы сами разберемся, – громогласно заявил Слава, отворачиваясь от охранника.

Тот начал торопливо возиться с дубинкой, пытаясь отстегнуть ее, но она не поддавалась. Тогда он со злости рванул ее в сторону, крепление сорвалось, и дубинка угодила торцом Славику по ребрам. Воспользовавшись случаем, Никита рванул из его объятий и кинулся к выходу. Слава, сделав несколько коротких частых вдохов и придя более-менее в себя, грозно посмотрел на поникшего охранника.

– Я не нарочно, – пролепетал тот и сделал шаг назад, прикрываясь дубинкой, словно мечом.

Но Слава не стал его трогать и кинулся за убегающим Никитой. Тот было решил, что ему повезло и он сумеет скрыться, но путь преградил еще один шкафоподобный паренек. Неожиданно из-за спины Ежова выступил Жора, и Никита врезался в него, словно в бетонную стену, отскочил, как мячик, и плюхнулся на пятую точку. Жора шагнул к нему, ухватил невезучего задиру за грудки и поставил на ноги. Сзади путь к отступлению отрезал Слава.

– Парень, ты че, обкурился, что ли? – наклонился к нему Жора.

– Да нет, пацаны, все нормально, я просто ошибся, – залебезил Никита, поднимая ладони к плечам, как бы успокаивая Жору. – Ошибся я, ошибся! Нет проблем, я уже ухожу.

Посетители клуба, находящиеся по соседству, встали кружком и с любопытством ждали, чем все закончится.

– Ты в порядке? – шагнул ко мне Ежов.

– Нормально, – я с презрением посмотрела на Никиту.

– Тогда выпроводи его отсюда, – скомандовал Андрей Жоре, и тот повел Никиту к выходу.

Глава 4

Сопровождаемые Славой, мы поднялись на второй этаж и углубились в длинный широкий коридор. Он привел нас к двойной дубовой двери. Ежов открыл ее, пропустил меня вперед и зашел за мной, оставив Славу в коридоре.

– Ну вот, – улыбнулся он, потрогав свои темные очки, которые ни разу не снял за время своего пребывания в клубе, – теперь мы можем спокойно пообщаться.

Комната представляла собой что-то вроде небольшого кабинета. В дальнем углу стояли два стола буквой Т и несколько тонконогих стульев рядом с ними. Слева, очевидно, предполагалось место для отдыха: большой мягкий диван, обитый желтой кожей, напротив – такое же кресло и еще одно – чуть поодаль. Перед диваном с креслом поместился низкий стол, инкрустированный каким-то поделочным камнем.

Я устроилась в кресле, выложила на стол диктофон, рядом пристроила «Никон», сумочку. Пока Ежов устраивался на диване, достала сигареты и закурила.

– Наши читатели интересуются, – начала, наконец, я, – как рождается новая группа. Насколько я знаю, ты раскрутил уже что-то около шести коллективов?

– «Пчелки» – мой седьмой проект, – кивнул Ежов. – А как они рождаются...

И он раскрыл мне некоторые продюсерские секреты. Не все, конечно, как я поняла, но говорил он довольно откровенно, к моему удивлению. Дальше пошли банальные вопросы типа «что нового в вашей копилке?», «какие планы на будущее», «чем собираетесь порадовать своих фэнов?». Самые каверзные вопросы, например, о взаимоотношениях с Поплавским, я оставила напоследок, но задать так и не успела. За дверью послышался неясный говор ежовских телохранителей. Угрозы чередовались со строгими предупреждениями. Они явно кого-то не хотели пускать в кабинет. Вскоре мы с Андреем услышали, как в дверь ударилось что-то тяжелое, потом кто-то вскрикнул и все стихло.

– Опять кого-то утихомирили, – не без оттенка самодовольной гордости покачал головой Андрей, – сколько раз говорил: обращайтесь с людьми побережней.

Я видела, что сожаление Ежова наигранное и ему приятно, что у него такие крутые бойцы, которые никого к нему не подпускают.

– Ладно, – он снова поднял на меня выразительный взгляд, – продолжим, если хотите.

В эту минуту дверь отворилась и в кабинет заглянул Виктор. Виктор, кто не знает, – мой фотограф. То есть не мой, конечно, а редакционный. Кроме всего прочего, навыки, полученные им в спецвойсках, работники редакции используют в служебных интересах. Виктор неоднократно доказывал и показывал, что когда он берется охранять кого-то, то это у него получается так, как ни у кого другого. Высший пилотаж – вот как я называю это его умение обезопасить и приободрить.

– А-а, – поняла я, – машину пригнал?

Виктор шагнул в кабинет и протянул мне ключи, настороженно посмотрев на Ежова.

– Все в порядке, – успокоила я его, забирая ключи, – садись.

Виктор сразу успокоился, а вот Андрей отчего-то занервничал. Он поднялся с дивана и направился к выходу.

– Ты куда? – удивленно крикнула я вслед.

Но он не ответил.

– Е-мое, что же это такое? – услышали мы его возглас из коридора.

Выйдя за ним, я увидела Славика и Жору, которые шебуршились на полу, делая попытки подняться.

– Кто это вас так? – засуетился возле них Ежов.

Он подбегал то к одному, то к другому, пытаясь приподнять их, но у него ничего не получалось. В каждом из охранников было больше центнера живого веса. Я уже все поняла и с трудом сдерживала усмешку. Первым поднялся Славик.

– Что, что случилось-то? Скажет мне кто-нибудь наконец? – подлетел к нему Ежов.

Я заглянула в кабинет и строго посмотрела на Виктора. Он отвел взгляд и пожал плечами.

– Понятно, – покачала я головой, – они тебя не пускали, да?

Одна из характерных особенностей Виктора заключается в его немногословности. Там, где другому человеку понадобилось бы несколько фраз, Виктор обходится односложным ответом или жестом.

– Это Виктор, – потупив глаза, пояснила я Андрею, – он решил, что я в опасности.

Потом я все выяснила. Дело происходило примерно так. Виктор подошел к кабинету, вход в который загораживали Славик с Жорой. «Бойкова?» – спросил Виктор, показывая на дверь, что должно было означать: там ли моя начальница Ольга Бойкова? Я хочу сообщить ей, что пригнал машину и передать ключи.

Ребята подтвердили, что я там, но, когда он захотел пройти, его не пустили. Тогда он забеспокоился, все ли со мной в порядке. Вырубил сперва Славика, который отлетел на дверь и сполз по ней на пол, а потом кинувшегося ему на помощь Жору.

Поэтому мое предположение было в принципе правильным, о чем я и сообщила Андрею.

– Ну ты, Бойкова, даешь, – возмутился Ежов, – что он с ними сотворил?

Ежов был скорее огорчен из-за того, что его бойцы, мягко выражаясь, лопухнулись. Беспокойство по поводу их самочувствия не входило, разумеется, в число его переживаний.

– Думаю, все будет в порядке, – я подняла голову и посмотрела на гиганта, – правда, Слава? – Тот кивнул, а я повернулась к Ежову: – Может, продолжим интервью?

– Да, то есть нет, – засуетился вдруг тот, озабоченно взглянув на часы. – К сожалению, не могу, у меня назначена на сегодня еще одна встреча.

– Но мы же не закончили, – возмутилась я. – Полдня за тобой пробегала, а ты мне тут про какие-то встречи плетешь. Так не пойдет. Или ты отвечаешь на мои вопросы, или...

– Хорошо, хорошо, – торопливо согласился Андрей, – я обещал и не отказываюсь. Только давай перенесем нашу встречу на завтра. – Он быстро достал из кармана куртки записную книжку с ручкой и начал что-то писать. – Вот, – сунул он мне в руки листочек, – приходи ко мне домой завтра утром – там уж нам никто не помешает.

Ежов поправил темные очки, сделал знак своим парням и двинулся по коридору. Я вернулась в кабинет и собрала свои вещички.

– Пойдем, Витя, – кивнула я, – сегодня в виде исключения я отвезу тебя домой.

Мы спустились на первый этаж, протолкнулись сквозь толпу оттягивающейся молодежи и вышли на улицу. Я с удовольствием вдохнула свежий морозный воздух и вопросительно посмотрела на Виктора. Он кивнул на автостоянку, и мы направились туда. Устроившись за баранкой, я запустила двигатель и, пока он прогревался, выкурила сигарету. Потом отвезла Виктора домой, расспросив по дороге об инциденте у дверей кабинета, и двинулась к себе. Было девять часов или чуть больше. Я предвкушала спокойный ужин, просмотр вечерних передач и, конечно, сладкий крепкий сон. Засыпать я решила под звуки музыки.

* * *

Поставив «ладушку» на стоянку, я направилась было к подъезду. Но тут во двор въехала какая-то тачка и на большой скорости двинулась вдоль дома. Сумасшедшие, наверное, с досадой усмехнулась я и остановилась, пропуская автомобиль. Но он вдруг неожиданно затормозил, преграждая мне дорогу к подъезду. В тусклом свете лампочки, висевшей над входом, я рассмотрела, что это был «Опель» какого-то буро-терракотового цвета, во всяком случае, так

мне тогда показалось. Похоже, ребята обкурились, предположила я, заглянув в салон. Не успев ничего рассмотреть, я заметила только, что, кроме водителя, в салоне сидел еще и пассажир, как двери «Опеля» молниеносно открылись. Оттуда выскочили двое парней среднего роста, но достаточно крепких, грубо подхватили меня с двух сторон под руки и попытались запихнуть в машину.

Что я почувствовала в тот момент, уж не помню, скорее всего – удивление. От неожиданности пропал голос, поэтому закричать и позвать на помощь я не смогла, да и сомневаюсь, чтобы кто-то сумел оказать мне ее в тот момент – уж слишком быстро и неожиданно все произошло. Поэтому машинально выставив вперед ногу и упершись ею в порог «Опеля», осталась на свободе – сразу запихнуть меня в салон у злодеев не получилось.

В ответ на сопротивление злоумышленники заломили мне руки за спину, отчего я согнулась в три погибели. Помогая себе ногами, они продолжали заталкивать меня в салон. Но тут у меня прорезался голос: я заорала так, как не орала, наверное, никогда в жизни. Я никого не звала, ни о чем не просила, просто голосила во всю мощь своих легких. Но мой истошный вопль беспомощно оборвался уже в салоне «Опеля». В этот момент я отключилась – кто-то здорово двинул меня по голове чем-то тяжелым. В глазах сверкнула молния, поплыли радужные круги, и я медленно погрузилась в беспамятство. Еще ощутила, как грубые руки усаживают меня на сиденье, кто-то лепит мне на рот пластырь.

Торкающаяся в голове боль привела в чувство. Я сидела на заднем сиденье, подпиремая с обеих сторон чужими плечами. Запястья туго перетянуты каким-то шнуром. Никто ничего не говорил, только было слышно ровное гудение мотора. Я приоткрыла глаза. Наверное, без сознания я находилась недолго, потому что далеко отъехать от дома мы еще не успели – «Опель» двигался по центру города к речному вокзалу. Передо мной маячил коротко стриженный затылок водителя. Рядом с ним на переднем сиденье никого не было, значит, их трое, – произвела я нехитрый подсчет. Что ж, уже хорошо, что мозги хотя бы работают. Только вот куда меня везут и... зачем? Что им от меня нужно? Я стала перебирать в уме, какие последние материалы мы публиковали в газете и кто мог быть недоволен, а то и откровенно возмущен. Мысленно перелистав несколько последних номеров, я пришла к выводу, что скандальных статей было всего две, но никто из людей, которых они так или иначе касались, не мог действовать подобным образом.

Я попыталась скосить глаза налево, чтобы рассмотреть моего спутника, но эта попытка отдалась в голове новым приступом боли. Я поморщилась и начала потихоньку поворачивать всю голову. Наконец мне это удалось, но ничего интересного я не увидела, лишь ничем не примечательный профиль с крупным носом картошкой, низким лбом, узкими губами, выступающим подбородком и темным бобриком волос. Потом плавно повернула голову в другую сторону.

– Елки-палки! – воскликнула я. – Никита!

Вернее, воскликнуть я всего лишь попыталась, потому что забыла, что рот мой заклеен пластырем. Поэтому у меня вырвалось только мычание. Мой знакомец повернулся ко мне и растянул рот в мрачной ухмылке:

– Че, овца, очухалась? Сейчас приедем, – издевательским тоном произнес он.

Я замычала сильнее, демонстрируя Никите свое желание освободиться от пластыря.

Машина действительно уже выехала на привокзальную площадь и остановилась перед зданием вокзала, помещение которого на зимний сезон сдавали разным коммерческим фирмам и фирмочкам. Елы-палы, мелькнула спасительная мысль, в этом здании в цокольном этаже располагается опорный пункт милиции. Да вот и «уазик» милицейский стоит. Я присмотрелась, нет ли в «уазике» водителя. Кажется, нет. Что же, что же делать? «Опель» остановился метрах в двадцати от «уазика». Если бы мне повезло и кто-нибудь появился бы рядом с милицейской машиной, когда меня будут выводить! Уж как-нибудь я бы сумела шумнуть.

– Пикнешь, получишь перо в бок, – предупредил Никита, словно прочитав мои мысли.

Он сунул руку в карман и, что-то вытащив оттуда, поднес к моему лицу. Щелчок. В свете фонаря блеснуло узкое длинное лезвие. От неожиданности я отдернула голову и поморщилась – в висках и затылке снова загудело. Никита гаденько рассмеялся.

– Пошли, – скомандовал он, – только тихо, поняла?

Я легонько кивнула и стала выбираться из машины следом за Никитой. Осторожно выпрямившись, с надеждой посмотрела на «уазик», но никакого движения возле него не обнаружила. Никита левой рукой приобнял меня за плечи, словно свою подружку, а правую с ножом приставил к моему боку. Носатый вылез из машины и встал с другой стороны. Следом выбрался водитель.

– Тронулись, – сказал Никита и, увлекая меня, пошел вдоль здания вокзала.

Мы спустились по широкой, засыпанной снегом лестнице, вошли через металлическую дверь, располагавшуюся на торце здания, поднялись на третий этаж и очутились в длинном узком коридоре, в который выходило множество дверей. Меня подвели к одной из них и втокнули внутрь.

Это был стандартный офис, ничем не отличавшийся от сотни других. Стол под черное дерево, компьютер, пальма в кадке... Совершенно пустой офис, не считая вошедших, конечно. Никита оставил меня со своим напарником и водителем, которого я так и не рассмотрела, и вышел в соседнюю комнату. Через секунду он вернулся и поманил меня – пришлось подчиниться. Я двинулась за ним. Смежная комната была немного просторней, полы застелены темно-зеленым ковролином, на окнах – вертикальные жалюзи оливкового цвета, тут же пара мягких кожаных диванов, кресла и стол – в дальнем углу. За столом сидел худощавый человек в пиджаке и белой с расстегнутым воротом рубашке. Его вытянутое в длину лицо своей неподвижностью напоминало маску фараона, а редкие светлые волосы были зачесаны назад, открывая высокий лоб. Только в больших умных глазах теплилась какая-то жизнь, и они с интересом рассматривали меня.

В кабинете оказались еще два человека – их я определила как телохранителей. Молодые ребята чуть выше среднего роста, вроде Виктора. Но, в отличие от телохранителей Ежова, просто распираемых от грубой физической силы, которой они, несомненно, обладали, в этих чувствовалась какая-то сдержанная внутренняя мощь, которую можно было назвать уверенностью в себе.

– Вот, – возбужденно заговорил Никита, – я привез ее.

Человек за столом медленно перевел свой тяжелый взгляд на Никиту, плюхнувшегося в свободное кресло.

– Кто это? – В его скрипучем голосе слышалась угроза.

Похоже, Никита тоже почувствовал это, потому что следующая его фраза была не такой радостной, скорее – суетливо-беспокойной.

– Как кто? Ольга, конечно. Че ты меня путаешь, Рудик?

– Где ты ее взял? – Человек за столом, которого Никита запросто называл Рудиком, пока сохранял самообладание.

– То есть как это где? – Никита даже подскочил в кресле. – Там, где ты мне сказал, – в «Матрице». Она пришла с Ежиком, ну, с этим продюсером. Они обжимались всю дорогу, разве что не трахались на глазах у всех. Я ей и так и эдак, а она – нулями. Меня чуть не покалечили, а ты говоришь – кто это?! – обиженно воскликнул он. Потом подскочил ко мне и одним движением содрал со рта пластырь. Нежный пушок на лице, прилипший к этой вонючей заплатке, превратил миг освобождения в миг неимоверной боли. Я не удержалась и вскрикнула, прижав связанные руки ко рту.

– Ну, скажи, скажи же ему, как тебя зовут! – заглядывая мне в глаза, завопил Никита.

Он схватил меня за плечо и начал трясти. Успокоившаяся было голова снова заныла.

– Говори, сука!

– Отстань, придурок, – попыталась я оттолкнуть его.

– Оставь ее, Ник, – проскрипел длиннолицый. – Надо было Эдика отправить, он ее знает в лицо. Только этот гаденыш до сих пор где-то торчит.

Никита снова плюхнулся в кресло.

– Ничего не знаю, – сконфуженно пробубнил он, – что мне сказали, то я и сделал.

– Ладно, не возникай, – отрезал Рудик и перевел на меня взгляд, полный снисходительной печали. – Что же нам теперь с тобой делать-то, голуба?

– Я так понимаю, – решила я принять участие в беседе, так как она касалась меня самым непосредственным образом, – что произошло какое-то недоразумение, в результате которого я чуть не получила сотрясение мозга. Но поскольку я вам не нужна, то верните мне мои вещи, и я пойду.

Я не стала лезть в бутылку и требовать возмещения морального ущерба, потому как если и не была на сто процентов уверена, куда я попала, то во всяком случае предполагала, что это не бюро добрых услуг.

– Ты что-нибудь говорил ей? – Рудик покосился на Никиту.

– Не успел, – огрызнулся он, – времени не было.

– Ты кто? – Рудик внимательно посмотрел на меня. – Не певичка ли? Да нет, вроде что-то не похоже.

– Я журналист, – пояснила я, – хотела взять у господина Ежова интервью, поэтому была с ним.

– А, бульварная пресса! – пренебрежительно ухмыльнулся Рудик. – Ладно, пожалуй, мы тебя отпустим. Развяжи ее, Никита.

Никита лениво поднялся, достал из кармана свой стилет и полоснул по шнуру, стягивающему мои запястья. Я стала растирать затекшие руки.

– Отпускаю тебя, Оля, – почти ласково сказал Рудик, когда Никита занял свое место в кресле, – но только с одним условием: ты никому и никогда не скажешь, где была и как сюда попала. Ты поняла меня? – угрожающе повысил он голос.

– Не дура, – кивнула я.

– Вот и замечательно, – расслабился Рудик, – приятно иметь дело с умными людьми, а то все больше какие-то недоумки попадают.

Он выразительно посмотрел на Никиту. Тот фыркнул и, закинув ногу на ногу, закурил.

– Проводи ее, – снисходительно кивнул ему Рудик, – только тихо и без фокусов.

Я вышла из кабинета, взяла свои вещи, которые лежали на столе в приемной, и в сопровождении Никиты спустилась вниз.

– Давай, подруга, – легонько толкнул меня в плечо Никита и усмехнулся, – может, еще и встретимся.

– Ага, – кивнула я и про себя добавила: – В следующей жизни.

Хотя и тут я погорячилась!

* * *

Нечего и говорить, что всю дорогу я только и делала, что поражалась сюрпризам судьбы, которая не оставляла меня своим прихотливым, я бы даже сказала чудачковатым вниманием. Доехав до дома на частнике, прежде чем войти в подъезд, я долго озиралась по сторонам, предвосхищая очередной «подарочек» этой сумасбродной злодейки. Да-а, адреналину мне не занимать!

Квартира встретила меня какой-то напряженной тишиной. Подозрительной тишиной! Что же, мне до конца жизни теперь и ждать какого-нибудь подвоха? Безмолвное спокойствие

вещей, которые словно нацепили дежурные улыбки, когда их осветило вспыхнувшее электричество, подействовало на меня угнетающе. А ведь, кажется, наоборот – должно было бы вселить чувство уверенности в справедливость мирового порядка. А может, причина моего дурного расположения духа – в больной голове, с самоиспеляющей иронией подумала я.

И все-таки, несмотря на терзавшее меня недоумение по поводу всех этих жестоких розыгрышей судьбы, жертвой которых мне часто безвинно доводится становиться, я вскоре пришла в себя. Смятение понемногу улеглось, и на смену ему явилась мысль о том, что мне все же удалось счастливо избежать плохой развязки и что я дома, в целостности и сохранности, сижу на диване и удивляюсь произошедшему со мной казусу.

Поначалу я так была возбуждена, растеряна, раздосадована и подавлена, что, войдя в квартиру, прямиком, даже не сняв шубы и сапог, устремилась к дивану. И только рухнув на него в полном изнеможении, кажется, снова обрела способность мыслить и вполне сносно анализировать. Только вот закавыка – анализировать было нечего. Фортуна, рок, фатум – называй как хочешь эту потаенную динамику случая, – она способна опрокинуть любой ваш расчет, высмеять любое ваше намерение, показать несостоятельность любого вашего проекта. Я поймала себя на мысли, что всю жизнь только и делаю, что противоречу нахалке судьбе. Вот она и потешается надо мной! Кто это вбил нам в голову, что человек – кузнец своего счастья?

Покончив с мысленным монологом, я все-таки разоблачилась, повесила шубу на вешалку, расстегнула «молнии» на сапогах, пристроила их на специальной полке в прихожей.

«Так, – подумала я, – в качестве психологической разгрузки надо бы заняться ужином. Что там у меня было по плану?»

Ах да, мясо по-монастырски! Как же это я могла забыть? Хотя немудрено: когда тебя вот так немилосердно лишают возможности передвигаться в свободно выбранном направлении, сохранить в памяти такую житейскую мелочь, как мясо по-монастырски, бывает чертовски трудно. И то обстоятельство, что я все-таки вспомнила про него и даже преисполнилась решимости приготовить блюдо, свидетельствует о моей выдержке и хладнокровии. Итак, нарезаем мясо большими кусками, перчим, солим...

Несмотря на всю свою выдержку и упорное стремление жить своей жизнью, жизнью независимого папарацци, один вопрос мне все же испортил ужин и отнял не одну минуту: какие отношения связывают Ежова с Рудиком? «Старый приятель», – сказал Андрей. Что же общего может быть у Ежова, преуспевающего продюсера, с бизнесменом-гангстером?

* * *

Утро следующего дня началось с препротивного пищания будильника: стервец заставил меня распахнуть глаза в половине восьмого. И это несмотря на то, что сладкий утренний сон тонкой струйкой вился под моими веками, заставляя жить иными, приятными переживаниями, имеющими к этой жизни лишь слабое касательство. Я села в кровати. На зарядку не было сил, голова по-прежнему ныла, но боль стала тупеть. Или это я начала тупеть? – хихикнула я.

Я чувствовала себя намного лучше, чем вчера, опровергая известный фоменковский тезис, согласно которому «утро вечера дряннее». Предполагаю, что Николай имел в виду бытовой алкоголизм, рассматриваемый в аспекте тяжелого утреннего похмелья. Мое же похмелье было чудесным и легким, как японский шелк. Радость бытия опять давала о себе знать, как только я проглотила омлет, запила его апельсиновым соком и достала из шкафа новую кофточку, которую купила на днях в «Николи». Стоила она недешево, но была действительно качественной, модной и мне к тому же жутко шла. Я повертелась перед зеркалом, отдавая дань женскому тщеславию, нацепила узкую длинную юбку с разрезом, сделала легкий макияж и... застыла.

Как-то я не так себя веду, промелькнуло у меня в голове, вчера весь день нервничала по милости Ежова, подверглась пленению, чудом спаслась, получила по башке, и все это как-то мимоходом! Нет, так дело не пойдет, назидательно сказала я себе и заторможенно опустилась в кресло.

Что же это получается? Меня насильно увозят, чтобы переброситься со мной парой слов, потом разрешают уйти. Этот Никита весь вечер пристает ко мне в клубе... Что ему... им, то есть, от меня было нужно? Да нет, выходит, что не от меня... Тогда от кого и что? Откуда же я могу это знать? Вот потеха! – саркастически усмехнулась я.

Меня с кем-то перепутали – это как дважды два и трижды три. Но не так-то легко перепутать человека с ему подобным. Конечно, можно, но при наличии определенных и весьма действенных и показательных запутывающих признаков и примет. Что ты этим хочешь сказать, Бойкова? Лишь то, что прежде всего эти признаки и черты нужно искать во внешности. И только-то? Да нет, не только. Имя... Та, с кем меня спутали, – мое самолюбие почему-то почувствовало укол, – тоже Ольга. Никита ждал ее в клубе. И она должна была осуществить какое-то действие, чтобы избежать разборок, которых избежала я. Никита, конечно, пешка. Руководит всем Рудик. Гениально, Бойкова, ущипнула я себя за это самое самолюбие, которое на дыбы встает при одной только мысли, что его хозяйку, его счастливую обладательницу, столь уникальную и незаурядную особу, могли с кем-то перепутать!

Так чем же там у нас руководит Рудик? А не все ли равно, если ты простилась с ним навеки?

Я ожила, поздравила себя с окончанием мероприятия по прояснению вчерашней, мягко говоря, щекотливой ситуации. Ан нет, недопрояснение какое-то... Спутали тебя, Бойкова, не только из-за внешности, а из-за твоего предполагаемого статуса. Каков же он, статус той Ольги, вместо которой я оказалась в столь «милый» компании? Что там плел Никита про наши с Ежовым объятия... Мне почему-то стало так противно, что я решила выбросить это из головы. Возьму интервью, и покончим с этим... О господи, с этим интервью какой-то замкнутый круг получается, с досадой подумала я.

Глава 5

Спустившись во двор и сев в машину, я тем не менее опять принялась так и сяк вертеть слова Никиты, припоминая детали вчерашнего клубного вечера. «А Ежов-то знает Рудика, – язвительно подумала я, – на этот предмет его тоже нужно будет расспросить. Не для печати, разумеется». Я выехала на улицу и свернула в сторону Волги. Ежов, судя по адресу, жил недалеко от моста, в длинной кирпичной девятиэтажке, называемой в народе «пентагоном». По иронии судьбы, я ехала по той самой дороге, по которой меня везли вчера в «Опеле». Черт, даже вспоминать не хочется! Свернув в сторону моста, я проехала по Предмостовой площади и оказалась возле универсама, расположенного в первом этаже «пентагона». Миновав его, въехала во двор и остановилась у одиннадцатого подъезда, благо над каждым из них были написаны номера квартир.

Триста семьдесят третья квартира была на четвертом этаже. Я поднялась туда на лифте и позвонила. Ну, открывай же, Ежов, надо закончить это чертово интервью. Но Андрей явно не торопился. Дрыхнет небось. Я позвонила еще, на этот раз более настойчиво. Снова безрезультатно. Ну, если ты и сейчас меня кинул и куда-то слинял, я тебе устрою! Со злостью я ударила ладонью в дверь, она жалобно застонала и приоткрылась. Он что, не запирается, что ли? Я снова нажала на кнопку звонка и, не услышав в квартире никакого движения, которое бы свидетельствовало о присутствии хозяина, вошла в прихожую.

– Андре-ей, – негромко позвала я и, не услышав ответа, заглянула на кухню.

На столе лежало полпалки копченой колбасы, кусок сыра, ветчина, стояли пустые банки из-под консервированных маслин и маринованных грибов. Создавалось впечатление, что Ежов в спешном порядке накрывал стол. Я вышла из кухни и заметила, что на вешалке в прихожей висит пальто, в котором был вчера хозяин квартиры. Пальто было, а вот самого хозяина, видно, нет. Черт, не нравится мне все это!

Я прошла дальше и открыла следующую дверь. Это была гостиная. Слева стоял диван, справа – дубовая стенка, за ней в углу – целый комплекс видеоаудиоаппаратуры. Огромный овальной стол был накрыт на две персоны – две бутылки красного вина, одна из которых была почти пустой, разнообразные закуски, хлеб... Хозяин сидел за столом лицом к окну, откинувшись на спинку стула. Голова его была запрокинута, руки безвольно свисали по бокам, и мне показалось, что он спит. Неужели так накушался, что всю ночь провел на стуле?

– Андре-ей, – позвала я и сделала несколько шагов по мягкому ковру.

Ужас случившегося я поняла только, когда подошла почти вплотную. Остекленевшие глаза продюсера уставились в потолок, а из горла торчала рукоятка ножа. Сорочка на груди была бурой от вытекшей крови. У меня от этой картины опять разболелась голова. Господи, что же теперь делать? Нужно срочно вызвать милицию... Вызвать милицию, вызвать милицию. И что я им скажу? Весь вчерашний вечер я провела с Ежовым. Чуть не полгорода видело, что он меня обнимал, что мы танцевали. Менты сразу же решат, что я была у него и, соответственно, это я...

Черт, даже думать не хочется. Но я ведь ушла раньше, попыталась я определиться с алиби, а скорее ища отговорку. Вот именно – отговорку, над которой только посмеются. Ушла раньше, скажут мне, чтобы потом снова встретиться. Да, шансов оказаться виноватой было больше чем достаточно. Даже если я не позвоню, все равно рано или поздно до меня доберутся... Стоп! Слава с Жорой могут подтвердить, что мы вчера распрощались с Ежовым до сегодняшнего утра. Ха, распрощались. Не смейся, Бойкова.

Нервы были на пределе. Ведь то, о чем я думала, могло из гипотезы превратиться в реальность. Если только кто-нибудь не подтвердит, что Ежов договаривался с кем-нибудь о встрече на вчерашний вечер. Его телохранители наверняка должны знать, с кем он вчера при-

ехал домой. Так. Уже лучше, Оля, думай дальше... Но что-то не думается. Давай-ка посмотрим, что здесь вообще произошло?

Выпита почти бутылка вина, значит, гость Ежова был здесь не одну минуту. Закусывать они тоже закусывали – тарелки с остатками еды на столе. На подсвечнике и на скатерти остатки цветного воска... Что из этого следует? То, что это был романтический ужин. А может, дружеский или деловой? Неплохо, Бойкова. Но тебе-то от этого не легче. Ладно, поехали дальше. В большой хрустальной пепельнице – несколько окурков, на столе – пачка «Мальборо». Эти сигареты курит Ежов. Губной помады на окурках, кажется, нет. «Ничего не трогай руками, – сказала я себе, – и не трясись ты так, чего-нибудь заденешь!..» Меня и в самом деле малость подтрясывало. Я села на диван, чтобы немного прийти в себя. Через несколько минут сердце стало биться более ровно, дыхание тоже нормализовалось... Пора двигать отсюда, от греха подальше. Еще, чего доброго, кто-нибудь нагрянет к Ежову в гости с утра пораньше, тогда вообще будет финиш.

Я встала, сделала несколько снимков «Никоном», потом решила напоследок заглянуть в остальные комнаты. Выйдя из гостиной, прошла в конец вытянутой, как кишка, прихожей. В торце ее были туалет и ванная комната – чистенько, уютно, никакого беспорядка. Комната слева – спальня, широкая кровать занимает почти все небольшое пространство, во всяком случае, такое создалось впечатление. Комната справа – что-то вроде кабинета. Все, достаточно. Я хотела спрятать носовой платок, которым открывала двери, но вспомнила про отпечатки пальцев, которые могла оставить за несколько минут до того, как обнаружила Ежова мертвым. Аккуратно все протерла и только тогда поняла, что уничтожила и отпечатки, которые мог оставить убийца. А что мне оставалось делать? Оставить еще и свои?

Я подошла к входной двери и прислушалась: кажется, на лестничной площадке тихо. Быстро выскользнула за дверь и стала не торопясь спускаться по лестнице.

* * *

На выходе из подъезда меня встретила тетка в оранжевом пальто с ободранным лисьим воротником. Она несла молочный бидончик и пластиковый пакет. Смерив меня подозрительным взглядом, тетка даже остановилась, едва ли не в упор разглядывая меня.

– Здравсьте, – беззаботно сказала я, через силу улыбнувшись, и направилась к машине.

Я прямо спинным мозгом чувствовала, что она смотрит мне вслед. Ну и черт с тобой, смотри!

Из машины я позвонила в милицию и сообщила о трупe в триста семьдесят третьей квартире. Дежурный попытался выяснить, кто я, но я не стала его слушать и отключила телефон. «Ну вот, – облегченно вздохнула я, – свой гражданский долг ты выполнила».

Словно во сне я добралась до редакции и вошла в приемную.

– Кофе, – бросила я Маринке и двинулась в кабинет. Плюхнулась на диванчик и закурила. Вскоре, открыв дверь ногой, в кабинет вплыла Маринка, держа в руках поднос с двумя чашками кофе и вазочкой с печеньем.

– Ну, – не скрывая любопытства, спросила Маринка, устроившись с чашкой рядом со мной, – как интервью?

– Интервью оказалось последним для Ежова, – наблюдая за какой-то сумасшедшей мухой, невесть откуда взявшейся на окне, тупо сказала я.

– Кончай придуриваться, – хихикнула Маринка, – рассказывай.

– Это долгая история, – я протянула руку и взяла чашку, – а у меня сейчас не то настроение.

Да, кофе Маринка готовит замечательный! Ничего не скажешь! В редакции, да и не только в редакции, это считается ее почетной обязанностью. Но у нее не только кофе здорово

получается. Она всегда в курсе последних событий в области моды на шмотки и прически, что тоже немаловажно. Кроме того, она совершенно не признает авторитетов и может, по моей команде, естественно, не пропустить ко мне того, кого я видеть не имею никакой охоты, например, людей из администрации, когда те приходят ругаться по поводу не понравившейся им критической или разоблачительной статьи. А как она говорит по телефону! Заслушаешься! Даже меня иной раз убалтывает.

– Объясни хотя бы, что случилось? – настаивала начавшая было тревожиться Маринка.

Она упорно вглядывалась в мое лицо, чем напомнила мне о той тетке, с которой я столкнулась в ежовском доме.

– Если в двух словах, – я сделала глоток ароматного кофе, – сначала я была у Ежова в студии, потом полвечера провела с ним в «Матрице»...

– Ого, – глаза у Маринки загорелись, – здорово! – Она вновь обрела свою веселую беззаботность.

– ... а сегодня утром, когда я пришла к Андрею домой, чтобы закончить интервью...

– Ты уже с ним на «ты»? – восхищенно воскликнула Маринка.

– ... я обнаружила в квартире его труп, с ножом в горле, – завершила я наконец фразу.

– Е! Е-мое! – Маринка в ужасе прижала ладонь ко рту. Но, правда, быстро пришла в себя и заявила: – Это конкуренты. Ну, ясное дело, кто ж еще?

– погоди делать опрометчивые выводы, – тормознула я ее. – Давай лучше допьем кофе, и зови сюда Кряжимского с Виктором, надо обмозговать ситуацию.

– Елки-палки, – бормотала Маринка, торопливо прихлебывая из чашки, – это ж надо, а! Че ж теперь с «Вывихом»-то будет? Ой, надо позвонить Клунину, разузнать все поподробнее.

– Не надо никому звонить, – осадил я ее. – Твой Клунин сам еще ничего не знает.

– Откуда ты знаешь, что он не знает? – Маринка поставила пустую чашку на поднос.

– Сейчас ты узнаешь, откуда я знаю. Зови народ. Быстро! – прикрикнула я на нее.

Она поджала губы и неторопливо вышла из кабинета, даже не убрав поднос. Выпендривается!

Хоть она мне и подруга и старше меня почти на год, приходится ее иногда ставить на место. Но у Маринки есть еще одно положительное качество – она быстро отходит. Так что, войдя в кабинет следом за Кряжимским и Виктором, она быстренько убрала грязные чашки и, чуть выпятив губки, устроилась на кресле.

Я пересела за свой стол и рассказала, как я отправилась к Ежову, как ждала его, как мы поехали в «Матрицу» и что там было. Когда я дошла до своего похищения, Кряжимский возмущенно воскликнул:

– Ну, гады, что творят!

Описав подробно встречу с Рудиком, я перешла к событиям сегодняшнего утра.

– Виктор, – протянула я ему «Никон», когда закончила, – освободишься, сделай отпечатки.

Он молча положил аппарат на диван, рядом с собой.

– Так вот, – сказала я, – рано или поздно, но на меня обязательно выйдут. И хоть я и не убивала Ежова, у ментов могут быть ко мне серьезные и, что самое главное, неоправданные претензии. Я весь вечер была с Андреем, мы с ним танцевали, а вошли в «Матрицу» вообще в обнимку.

– Но ведь есть презумпция невиновности, – торжественно заявил Кряжимский, однако тут же осекся. – Хотя да, конечно, не нужно забывать, где мы живем.

– Вот именно! – подхватила я. – Но, по большому-то счету, ничего у них на меня нет.

– Тогда чего суетиться? – благодушно улыбнулся Кряжимский.

– Сергей Иванович, – укоризненно взглянула я на него, – не забывайте, что Ежов известный в городе продюсер. Шума в связи с его смертью будет много. Это же отличный материал для статьи.

– Само собой! – согласился хитрый Кряжимский.

– Тогда нам нужно как можно больше узнать о Ежове и его связях, – заявила я, – и если это удастся, найти его убийцу. Начну с участников групп, которые продюсировал Ежов, пообщаюсь с Поплавским, с Шажковым. Неплохо было бы узнать что-нибудь о Рудике, Ежов его знал. Только вот как к нему подступиться?

– Попробую выяснить что-то по своим каналам, – Кряжимский снял очки и стал их протирать.

– Еще нужно выяснить, с кем меня перепутал Никита. Понятно, что это подруга Ежова, которую зовут Ольга, больше пока ничего не известно.

– Скорее всего она блондинка, – откликнулся Кряжимский, водружая очки на нос.

– Почему вы так думаете?

– Никита ее не знал и спутал с тобой, – начал рассуждать Кряжимский, – значит, ему описали девушку, похожую на тебя. Ты же у нас в настоящее время – блондинка.

– Да, блондинка, – я провела пальцами по волосам, – не поспоришь.

– Дальше, – продолжал Кряжимский, – мне кажется, с ней что-то случилось. Она явно должна была быть вместе с Ежовым, но почему-то не пришла.

– Об этой моей тезке, мне кажется, многое может порассказать Вика. Я только сейчас поняла, что она имела в виду именно ее, когда упрекала Ежова, что он не порвал с Ольгой. Наверное, с нее я и начну.

– Ты знаешь, где она живет? – спросила Маринка.

– Попробую узнать в студии, – пожала я плечами.

– Хочешь, я позвоню Клунину? – с жаром предложила она.

– А, – я хитро посмотрела на нее, – у тебя же есть визитка. Ну-ка, давай ее сюда. Да не бойся, верну.

Маринка вышла в приемную, вскоре вернулась и нехотя положила передо мной на стол синий картонный прямоугольник.

– Смотри не потеряй, – почесав пальцем носик, предупредила она.

– Не дрейфь, – я сунула визитку в сумочку и поднялась из-за стола. – Ну, я, пожалуй, пойду.

– Если я что-то узнаю насчет Рудика, – сказал Сергей Иванович, – я тебе позвоню.

– Это было бы очень кстати.

* * *

К Дому быта нефтяников я подъехала около двенадцати. Оставила машину у запертого центрального входа и направилась к боковому. В длинной приемной сидела вчерашняя девица и шуршала пальцами по клавиатуре компьютера.

– Привет, – я изобразила на лице подобие улыбки.

– Здравствуйте, – сухо кивнула она, не отрываясь от работы и только на секунду окинув меня взглядом. – Андрея Николаевича нет.

«И не будет», – промелькнула у меня мысль.

– Вообще-то я не к нему, а к вам, – миролюбиво произнесла я.

Она перестала печатать и с интересом посмотрела на меня, удивленно переспросила:

– Ко мне?

Я кивнула с благожелательным и смиренным выражением лица.

– Не понимаю...

– Мне нужен адрес подруги Ежова – Ольги, – выпалила я.

Она еще более растерянно посмотрела на меня, но вскоре опять натянула на лицо маску холодной безучастности.

– А у него самого вы не можете узнать? – не без ехидства спросила она.

– Он в отъезде, – желчно усмехнулась я, – а мне надо срочно встретиться с девушкой.

Секретарша приоткрыла рот.

– В отъезде? – ошарашенно завращала она глазами.

– Хотите убедиться? – Я насмешливо взглянула на нее.

– Но этого не может быть, – она лихорадочно залистала какой-то журнал, – у него сегодня встреча с...

– Возьмите трубку и убедитесь, – решительно порекомендовала я.

Она набрала домашний номер Ежова, но тут же бросила трубку и вопросительно посмотрела на меня.

– Что все это значит? – задыхаясь от волнения, воскликнула она.

– Ежова больше нет, – спокойно ответила я, – он убит сегодня утром в собственной квартире. Мне срочно нужен адрес его девушки. Секретарша погрузилась в прострацию, являя собой жалкое зрелище: бледная, руки дрожат, в глазах – отсутствующее выражение.

– Я жду, – суровым голосом произнесла я.

Она подняла на меня недоуменный взор.

– А как же... – она снова опустила голову.

– Мне нужен адрес. Когда вы видели Ольгу последний раз? – сделала я попытку вывести ее из столбняка.

– Когда? – беспомощно взглянула она на меня. – Вчера или нет... позавчера. Да, позавчера.

Она захлопала ресницами. Ну, слава богу, начала приходить в себя!

– Она приходила к Андрею?

– Да-а, – как-то неуверенно протянула она.

– Ольга приходила одна? – решила я максимально прояснить ситуацию, не выходя из приемной.

Секретарша кивнула.

– А раньше? Не позавчера, – уточнила я, – а вообще? Она приходила всегда одна?

Секретарша отрицательно мотнула головой.

– С кем же? – упорно доискивалась я до истины.

– С подругой, – промямлила секретарша и вдруг, зажав рот ладонью, разрыдалась.

Не думаю, что она уж так глубоко сострадала Ежову. Скорее всего не знала, куда ей теперь податься, где найти еще такое тепленькое местечко. Хотя кто его знает...

– Как зовут подругу? Кто она?

– Не знаю, – умоляюще проговорила она.

– Ладно, – смягчилась я, – так где живет Ольга?

– Пушкина, четыре, квартира двенадцать, – тихо произнесла секретарша.

– А телефон? – не унималась я.

Получив телефон, я еще раз напоследок кинула взгляд на подавленную, просто убитую горем секретаршу и вылетела на улицу.

Запустив двигатель, я закурила. Что ж, Бойкова, тебе есть над чем поразмышлять. Другое дело, что некогда. Я рванула с места. Городские пейзажи замелькали за окнами авто. Но каким чужим казался сейчас мой плавно вступающий в февраль город. Лица прохожих были еще более унылыми и равнодушными, чем всегда, какие-то на удивление плоские, бледные, холодные. Зимний театр теней! Красная ухмылка светофоров меня просто бесила. Куда, Бойкова, делись твое вчерашнее благодушие и сегодняшнее утреннее легкомыслие?

Минут через десять я уже была на месте. Не въезжая во двор, я затормозила, вышла из машины и поднялась на четвертый этаж. Позвонила в обитую коричневой кожей стальную дверь.

Ни ответа, ни привета. За дверью притаилась тревожная тишина. Может, дома нет? Может, моя тезка как раз сейчас входит в квартиру к своему несчастному любовнику? Я позвонила еще раз. Результат все тот же. Ладно, на ходу перетасовала я свои планы, пусть ее нет, но проникнуть к ней в квартиру не помешает. Я опрометью вылетела из подъезда, села в машину и позвонила в редакцию. Трубку взяла Маринка. Она была взволнована.

– Позови Виктора, – лаконично сказала я.

– Виктора? – заволновалась она еще больше.

– Маринка, – строго произнесла я, – у меня времени в обрез.

– Ты где? – услышала я ее сдержанное хныканье.

– Позови или... – крикнула я, – ... я тебя уволю!

В трубке повисло обиженное молчание. Но уже через пару секунд я услышала знаменитое отсутствием всяческой эмоциональной окраски «да» Виктора.

– Пушкина, четыре, – пробормотала я, – я у дома. Захвати инструменты.

– Окей, – Виктор повесил трубку.

Слава богу, что есть рядом люди, которые в трудные, опасные или напряженные моменты могут обойтись без возгласов, расспросов и излияний. Я перевела дыхание. «Почему я так волнуюсь?» – с пристрастием спросила я себя.

А как же не волноваться, не переживать, когда я вчера весь вечер кружилась с этим человеком, а сегодня утром обнаружила его труп? Нет, Бойкова, совсем у тебя голова кругом идет! Не сегодня, а вчера был убит продюсер. Он кого-то у себя ждал, какого-то знакомого... Может, женщину? Тогда где мотив? Месть, ревность, неразделенная любовь, корыстный интерес? Это еще предстоит выяснить. Я курила одну сигарету за другой, отдавая свои бедные легкие на откуп одолевавшим меня сомнениям и тревожным думам.

Итак, покумекаем. Если отбросить романтику жестокой женской неудовлетворенности, что остается? Мужские хлопоты? Я саркастично усмехнулась. Недруги, завистники? Конкуренты, предположила Маринка. Если это был недруг, то не явный, а скрытый, прикинувшийся другом или деловым партнером. Иначе не стал бы наш продюсер стол накрывать. Значит, они что-то обсуждали? Общие планы, например, или кто сколько получит в случае выпуска очередного диска или успешного завершения какого-нибудь другого коммерческого предприятия. Но не исключено, что в гостях у Ежова был недоброжелатель, причем явный, требующий с продюсера причитающиеся ему дивиденды. Мог же Ежов, вспомни о его заискивающе-предупредительной улыбке, о его хваленой «цивилизованности», захотеть культурно разрешить конфликт. Но, выходит, не разрешил. Нервы не выдержали или недоброжелатель пришел с тайным намерением убить его? Тогда для чего вся эта торжественность и помпа с накрыванием стола, со свечами?

«Нет, – закурила я новую сигарету, – имел место какой-то договор или еще какой-то мирный, дружеский разговор. Ведь и друг зачастую противоречит, а может и... Почему именно друг? А если предположить, что это знакомый или деловой партнер? Или конкурент, кредитор? Пришел решить проблему подобру-поздорову, а Ежов заартачился. Может, вначале и уступить хотел, но гость выдвинул непомерные требования, и, возмущенный подобными алчными, грабительскими притязаниями, Ежов проявил несогласие или заявил решительный протест?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.